

**ВЛАДИМИР
МАРЧЕНКО**

СОН О ЗОЛОТЫХ РЫБКАХ

ОБЕЛИСКИ

СВАЛКА

НА БЕРЕГУ

**Москва
Издательство «БПП»
2010**

* * *

...Армия нашла меня на третьем курсе.

В полку киностудия. Паренька из нашей команды на первом построении увёл капитан. Через неделю Валерка заявляется в роту. Прошу принести кинокамеру и снимать нас, чтобы отправить фотокарточки родным и друзьям. Интересуюсь «кинопроцессом». Старослужащий, собирающийся увольняться в запас, должен подготовить себе замену. Учит писать сценарии. Киностудия снимала ленты о праздниках и буднях военно-строительного отряда.

Повести из этой книги: «Сон о золотых рыбках», «Свалка» вполне могут «лечь» на экран, но путь этот не простой. Благодаря издательству «БПП», его директору Валерию Ивановичу Шашину, я смог выйти к вам, читатели, со своими сценариями, повестями и рассказами. Они на экранах... мониторов. Вы представить не можете, какое произошло ЧУДО! Я — живу в алтайской глубинке, издательство — в Москве, а Вы — на другом краю России. Мечтать об этом мог только во сне.

О чём повести? О любви, о честности, жертвенности, благородстве. «Сон о золотых рыбках». ...Наши дни. Он и она. Студенты. Юная семья едва не гибнет. Кто преступник, кто хотел их отравить бытовым газом?

«Свалка». Подростки помогают родителям прийти в себя после перестроечного шока. Следователь Тупикин ищет тех, кто поджигает автомобили новых русских. Он находит преступников, но не арестовывает. ...Он с ними, вероятно, заодно.

СОДЕРЖАНИЕ

Сон о золотых рыбках (эскиз киносценария)	4
Обелиски.....	77
Свалка (эскиз киносценария)	81
На берегу110

СОН О ЗОЛОТЫХ РЫБКАХ

...Почему газ оказался включенным? Он помнит, что «увернул» пламя под кастрюлей. Его дорогая Оленька хотела их убить? А если кто-то зашёл? Кто? Мишка? За мной следили? Или за ней?

...С чего всё началось. ...С измены? В тот день произошло много событий, которые могли кончиться трагически. Месть? Нужно всё вспомнить. Каждую деталь. О чём она говорила ночью? ...Это был ей голос. Её! В гостинице. Следователь напирал на то, что газ погасила закипевшая вода. Вода кипела, мясо варилось час. Значит, её объём уменьшился... Не могла залить горелку. Это покушение на убийство. С чего начался тот день?

А.

Андрей Листовский, студент четвёртого курса Политехнического университета, сидел на жестких рейках скамьи у здания речного вокзала, смотрел, как пишут в

романах, в одну точку, не видя нарядных женщин, беззаботных детей и деловитых мужчин, а видел килограмм яблок, батон варёной колбасы и половинку бородинского. Ему необходимо сегодня добыть эти продукты и накормить Ольгу. Хотя бы килограмм яблок. Ей нужны витамины. Давно нужны витамины, а в овсяной каше их мало. Всё, что можно продать, продал. Расстался неделю назад с коллекцией монет. Мама была права, когда говорила, что сначала нужно закончить учёбу, встать на ноги, а потом обзаводиться семьёй.

Обь прошла. На берегу отрешённо худели плоские глыбы льда. Ныла простуженными блоками старая землечерпалка. Группа независимых женщин в длинных яркоцветных юбках прицельно высматривали клиентов. Они быстро обшарили большими шоколадными глазами сидящего парня, и отвернулись. Он не представлял интереса для них. Одежда не нова. Тощий студенческий портфель говорил, что его хозяин никуда не едет в обозримые три месяца. Пришёл сюда, чтобы собраться с мыслями. Он им не конкурент, у них разные методы общения с пассажирами. Не вооружёнными глазами видно, что парень не напорист и не нагл, не может ревизовать чужие карманы и уносить сумки, отбившиеся от хозяев. Горестно застонала сиреной, отходившая «Ракета»...

Мизерная стипешка таяла словно мороженое «дав» на солнце. Цены на продукты росли бессовестно и уверенно. Оленька смертельно ненавидела не только процесс мытья посуды, но и приготовление еды. Хотя варить и жарить нечего. Неделями питались овсянкой с добавлением крошки маргарина. Были месяцы, когда обедали в кафе. И вот

— чёрная полоса. Она возникла не сразу. Ползла постепенно, но её могло не быть...

Сегодня Андрей сварил остатки манной крупы. Отвар листьев смородины и шиповника пили вместо «майского» чая. ...Содержимое трёх банок варенья исчезло без особого следа — Оленька и её подружки обожали сладкое. «Бутылки сданы. Если повезёт, можно пособирать, но это если повезёт». Улицы и переулки, скверы и парки поделены между пенсионерами и бомжами. Оля запретила работать кочегаром, сторожем комка, не пустила и вахтёром в общежитие. «Что я буду одна по ночам спать? Ночью нужно быть со мной дома, а не дремать у чужих «сникерсов»». «Мы будем вместе, — убеждал Андрей, — через трое суток». Оля кривила милые губки. «Ты хочешь, чтобы нас подожгли или ограбили?».

Великое изобилие обрушилось на Белозёрск. Исчезли очереди за вином, и забылось слово — «талон». На витринных полках было всё, не хватало одной мелочи у Андрея — денег. На первом курсе сколотил бригаду. Разгружали вагоны в тупике дрожзавода. Теперь грузчики охраняли тупики и подъезды, не допуская к вагонам студентов и безработных. Иногда Листовскому удавалось вклиниться в артель, но в том случае, если у кого-то был «отпуск по здоровью» или они не разгружали вагоны по низкому тарифу, а хозяин не желал поднимать расценки, не уступал настойчивым притязаниям докеров. Это были неопытные граждане. Вагоны стояли, росли штрафные за простой подвижного состава.

Настырные иномарки мечутся по старинным узким улицам плотными табунами. Засияли купола Воскресен-

ского храма у Белого озера. Юркие мальчишки, сбившись в группы и группочки, моют сверкающие, как новогодние игрушки авто, продают сигареты и газеты. Дети вбегают в рынок спокойно и легко, делают первые «лимоны». А он оказался лишним на этом празднике жизни. Не может даже купить дешёвой колбасы, не может побаловать свою юную жёнушку шоколадом, который нежнее шёлка. Кто жевал шёлк?

Андрей помнил рассказы деда о том, что его отец имел фабричку по выделке кож и пошиву шуб-борчаток, у его семьи был двухэтажный дом, половину занимала пошивочная мастерская. Он пытался узнать, где стояла мастерская. Даже ходил в музей, расспрашивал о кустарных ремёслах, но никто ничего не знал о Константине Фёдоровиче Поморцеве. Мама не помнила деда, а отца схоронили, когда Андрей сдавал вступительные экзамены. Сожалел, что не записывал рассказы деда — Петра Константиновича.

Он вспомнил и то утро.

— Ты уходишь? — донеслось из спальни. Найденный за гаражами театральный задник, разрезанный на куски и повешенный на протянутые верёвки, поделил комнату на спальню, кухню и умывальник. Он поцеловал мягкие тёплые губы. Ещё недавно Оля работала в элитном детсаду, приносила кусочки дорогой колбасы, выкладывала из пакета крохотные котлеты, блины. «Дети не съедают, а порции большие, — говорила виновато Оля. — Зачем выбрасывать? Мы с нянями делим».

Воспитатели боялись потерять работу и на хамские выходки некоторых деток богатеньких родителей, что на-

зывается, смотрели сквозь пальцы. Оля однажды шлёпнула полотенцем пятилетнего негодяя, ударившего ногой в живот девочку. Через три дня Олю уволили, как непригодную для работы в детском учреждении. Заведующая обещала оставить её медсестрой.

— Понимаешь, Родиков дал записку в магазин «Орбита». Там у него сестра бухгалтером. Им нужен консультант по импортной технике, — Андрей врал и верил в свою ложь. — Ты знаешь, немного соображаю. Может, примут на полставки.

— Андрейка, в комодке, в левом ящике баночки с тресковой печеню. Забыла тебе сказать. Эт самое, Юлька прибежала из нашей группы. Она у брата в комке нормально получает. Она училище бросила, меня зовёт. У них там одна проворовалась и товар свой подставляла. Ты помнишь Юльку? Чёрненькая такая. Вертучая. На козу походит. У неё пятый размер. Обалдеть...

Он не помнил никакой Юльки. И никогда о ней не слышал. Среди приходивших на обед в воскресения Оленькиных подруг не обнаруживалось подобной Юльки. Если бы появилась, заметил. Откуда возникла? Не из пены пивной?

— А училище? Бросишь?

— На что бабе грамота? — виновато улыбнулась Оля, пытаясь быть весёлой и непринуждённой. Он не помнит, чтобы грустила. Если какая-то житейская хмарь вдруг касалась её лица, тотчас её прогоняла, напевая песню о компании тараканов и сверчка... Оглядел тонкие ноги, живот, который, как ему показалось, стал не таким уж и плоским, каким был раньше. Пока открывал крохотную баночку,

мучительно соображал над странными изменениями. Оля умывалась, стуча клапаном жестяного умывальника, в который налил тёплой воды. «Миленький ты мой, возьми меня с собой, — мурлыкала, входя в кухню.

— Это у нас что? — Огладил ласково живот Андрей.

— Обычное дело, — улыбнулась горделиво Ольга. — Вчера хотела тебе сказать, да забывала. Стало заметно? Может, ещё рассосётся...

— Мы — предохранялись, — недоумевая, проговорил Андрей, намазывая на кусок чёрствого хлеба печень из баночки.

— Не всегда. Ты рад?

— Конечно. Будет нас трое — Листовских.

— А вдруг не трое. А четверо. Мама говорила, что была у неё сестра-близнец. У нас обязательно родится двойня. Ты ешь, а не халтурь. Мне подсовывает, а сам о свой кусок только нож вытирает. Мне сверху видно всё.

— Рыбьим жиром пахнет. С детства аллергия.

— Полезно. Ты должен быть сильным, а не сморщенным огурчиком. Давай покормлю, мой славенький. Куда это мы наострились в такую рань? «Орбита» открывается в десять, а сейчас ещё и восьми нет. — Она потрянула головой, окрашенные в светло-оранжевый цвет короткие волосы, вспыхнули пламенем. — Поцелуй меня — не отравишься, — щечки зарделись, а глаза засияли изумрудами. — Так бы написали в старинном романе.

Оля неистова в своих изобретательствах, неистощима на выдумки, которые воспринимал спокойно; но думал иногда, что жена походит на любопытного пушистого зверька, не знающего, что делать со своим маленьким лад-

ным тельцем. Зато её беспечность приводит в глубокое отчаянье. Скопленные гроши на пальто, тратила на пустяки, не думая в чём ей придётся ходить на лекции зимой. Андрей старается не ворчать на Олю, но бывает, что срывается, пытается убеждать о необходимости приобрести пальто, а не дорогие духи. Видя её молчаливую грусть, обещает купить самые-рассамые дорогие лосьоны, маникюрные наборы, фен. Оля молчит, садится за швейную машинку, начинает сшивать треугольнички разноцветной материи. Андрей в такие минуты начинает разбирать, подобранные в соседних дворах, стиральные машины, телевизоры и радиоприёмники. Люди покупают новое бытовое оборудование, а старое — оказывается у мусорных контейнеров. Андрей установил в комнате большой цветной, хотя и ламповый телевизор, у которого лишь стгорел предохранитель. Два холодильника отремонтировал молодой человек. Один отвезли в общежитие Олиным подругам, а второй — оставили. Из трёх стиральных машин собрал одну. Из детских колясок Листовский сделал «транспортное средство», на котором возит в дровяник старую мебель. По выходным конструирует, шлифует, тонирует. В комнате появился сервант для посуды и книг, шифоньер, кухонный стол и два настенных шкафчика. На месте металлической кровати стоит теперь широкая деревянная кровать.

Когда молодые заняли комнату, их поразил старый щелястый пол. Теперь ходят по «паркету». Андрей напил квадратов из боковин и дверок, найденных шифоньеров, приколотил к старым доскам, подстелив куски полиэтиленовой упаковки. Потом пришла очередь сделать панели. Когда дядя увидел свою дворницкую, то объявил мо-

лодым, что квартплата снижается до полулитры водки, а за свет, воду и отопление пусть платят студенты из своих доходов.

Если кто-то бы сказал Андрею, что у него возникнет пристрастие обследовать помойки, свалки и мусорные баки, то послал пророка куда подальше. Сегодня с утра отправляется на поиск. У него появились знакомые дворники, которым помогает убирать снег или листья. Дворники снабжают старыми аквариумами, бытовой техникой и мебелью. Листовский не только ремонтирует её, но и дополняет новыми деталями — ящичками, откидными столешницами, оборудует лампами освещения. Журнальные столики собирает из тумбочек, старых шифоньеров. Иногда приходится покупать шурупы, рояльные шарниры, мебельные колёсики, лак, морилку, декоративную самоклеящуюся плёнку. Мечтает Андрей купить небольшую циркулярную пилу, дрель. Сделал из электродвигателя наждак, пытался приспособить патрон, чтобы зажимать свёрла, но токарь заломил нереальную цену за подгонку патрона. Андрей сверлит отверстия ручным коловоротом. Если бы у него был инструмент, мог менять водопроводные железные трубы на металлопластиковые. У себя в комнате заменил проржавевший водопровод, канализацию, установил унитаз, но трудиться пришлось очень долго.

Соседи по дому — пенсионерки — приглашают отремонтировать стиральную машину, проверить телевизионную антенну, разобраться с утюгом, прочистить забившуюся старую канализацию. Последнюю неделю нет заказов. Просит знакомых дворников, чтобы рекламировали его услуги.

Бывали месяцы, когда у них в семейной кассе накапливались деньги. Молодые ходили в театр, лакомились свежими фруктами, покупали материал на кофту или юбку. Оля за вечер могла скроить и сшить себе простой костюм. Старая соседская швейная машинка ожила. Оля радовалась, как ребёнок. Она конструировала одежду из любой ткани. Комбинировала в несколько цветов. Получалось оригинально. Случалось, что девочки приносили ткань, вырезку из журнала. Оля работала быстро, с одной примеркой, но деньги за работу с подруг не брала. Часто говорила, что ей бы оверлог... Андрей искал с ней на базаре этот механизм, но им не везло. Заводские многониточные оверлоги стояли дорого.

Оленька для него всегда желанна, всегда неожиданна. Они живут самостоятельно, как настоящая семейная пара. Дядина жена подсказывает, что нужно отремонтировать погреб, заготовливать картошку и другие овощи. А где брать эти овощи, не говорит. Андрей иногда привозит из дома мешок картошки, но его хватает на две или три недели. Оленька переживает за подруг, а, спросив у Андрея единожды разрешение, возит в общежитие сумку картофеля. ...Подставила к столу стул, убрала посуду, присела на край стола, распахнула халат и положила ногу на спинку второго стула.

— Как бы наш столик не развалился. Что-то громко настукивает?

Сегодня ему опять приснился старый сон, сон собственный и незабываемый. Снилось Аня. Та самая — немного полненькая и нестерпимо задавулистая., не дававшая никому списывать ни алгебру, ни английский. Не

смотря на эти недостатки, почему-то нравилась Андрею. В одиннадцатом классе были девчонки и более симпатичные, и не выпендривались, как она, считая себя чуть ли не главной модницей в маленьком городишке, который и на городок не тянул, а был посёлком городского типа. Не забывал и белокурую Любу из восьмого. Люба Давыдова – его первое увлечение. Это странное чувство заставляло ходить вечером у её дома, чтобы увидеть силуэт на кухонной занавеске. Силуэт девушки, мелькнувший на секунду, делал его счастливым.

Получилось так, что семья разорвалась; Андрей оказался в старой одноэтажной школе, в классе, в котором было не сорок человек, а только пятнадцать. В десятом Игорь увлёкся вновь. Люба – это неземной символ пылкой любви. Анечка – наоборот. Земная. Энергичная. Не всегда справедливая. Крикливая. Он видел её недостатки, но не обращал на них внимания. Не замечал...

Аня не могла не чувствовать, что нравится, ведь он краснел, как первомайский флаг, когда обращалась за каким-нибудь пустяком. Она старше брата, но учились вместе. Её брата прозвали Графом, так как, по рассказам одноклассников, фотографировать научился раньше, чем читать и писать. Витька-Граф даже на уроках у старой Клавдии Михайловны, строгой и злой, умудрялся сделать «кадр». Соклассник дрожал у доски, оправдываясь, словно виноват в столетней войне Англии и Франции. На фотокарточке выглядел комично. Они подружились. Витька учил Андрея ставить диафрагму, чтобы снимок был резким. Иногда вместе печатали фотки в доме Вельяминовых днём. Анька лезла, командовала, втискиваясь между ними

и дышала в ухо запахом жареной рыбы, вглядывалась в кювету с проявителем, на дне которой, в красном свете выплывали на фотобумаге очертания знакомых лиц. Она хватала пальцами мокрую бумагу, забыв о пинцете, а Витька не давал ей вынимать снимок.

Колени Андрея и Ани соприкасались. Она не замечала, что короткий халатик распахнулся, ему видны плавки, хотя это только казалось. Не мог отвести глаз от коленей, и краснел, как клюквенный сироп. При свете красного фонаря этого никто не мог видеть. Шёл процесс получения фотокарточек для школьной стенгазеты. Эксплуатировала сестра брата нещадно, давая здания «сфотать» курильщиков, прогульщиков и несанкционированные поцелуи на школьных вечерах.

Перед Новым годом родители Ани и Графа уехали к родственникам, разрешив детям отметить праздник повзрослому. Родители решили, что чада должны идти в ногу со временем, ведь ребята выросли, а запреты сделают нервными и глупыми. Могут дети подпасть и под влияние нехороших подруг и товарищей. Соклассников Ани и Виктора предложение побалдеть перед каникулами встряхнуло. Не все смогли перешагнуть родительский барьер запрета, но вечером на квартире Вельяминовых собралась весёленькая компания из семи девушек и шести юношей. Закуски принесли из дома, купили только шампанское и сухое вино. Домашний самогон Вельяминов предусмотрительно развёл до пяти градусов сиропом брусничного варенья.

— Андрей! Неси фужеры, — требовала Анна мягким бархатным голоском. — Мальчики, стулья расставляйте.

Девочки, промойте грибы, заправьте сметаной. В зале юноши опутывали сосновую ёлку ещё одной электрической гирляндой, разложили стол и принялись придавливать к полу тарелками и бутылками. Моргала разноцветными огоньками гирлянда, ворковал магнитофон, Граф щёлкал затвором «Зенита» с мощным объективом.

— Андрей, не забудь ножи. ...Салфетки в ящике трельяжа, — гоняла хозяйка гостя, осматривая остывший торт, будто без него Новый год не придёт в городок Тасино.

За столом Аня села рядом с Андреем и следила, чтобы ел самое вкусное и меньше пил самодельного вина. Вот такой заботливой и чуткой была в тот вечер. Это огорчало Жанну Косичкину, сидевшую слева от Листовского, пытавшуюся оказывать знаки застенчивого девичьего внимания. Уставшие от еды и танцев, молодые люди интенсивно засобирались в клуб.

— А я? — притворно удивилась Аннушка, глядя Андрею в глаза. — Я — не Золушка. Давайте вместе убирать...

— Мы зайдём, — сказал Иван Басандайкин. — Поможем. ...Утром...

— Когда придёте? Торт состарится. Девочки, вы-то куда? Я так не согласна...

— Мне — домой, — сказала Жанна. — Только до часа разрешила мама. Проводи меня, Андрей... У нас там такие собаки.

Листовский вышел со всеми, но споткнулся у калитки и воткнулся головой в сугроб. Его подняли. Жанна отряхнула шапку. Генка Лыжин отряхивая пальто, сказал

Графу:

— Ему нужно отдохнуть. ...Дойдешь?

— Он дошёл, — сказал Граф. — Повели к нам. Пусть поспит.

Андрей видел, как силач Толя Бирюков подхватил Жанну на руки и понёс. Его ввели в кухню и столкнули на руки Ани. Андрей повесил пальто, хотел причесаться, но вместо своего отражения в большом зеркале увидел пунцовые губы, курносый носик с капельками пота. Губы девушки оказались властными нетерпеливыми. Было жутко приятно и по-праздничному хорошо. Он тронул её пушистую мягкую кофту и очень удивился, ощущая волнительность Ани. Даже зубы стали постукивать о зубы, а под ложечкой в животе распространилась космическая невесомость. Андрей забыл, что надо дышать, моргать и быть нестерпимо счастливым. Он потерял себя, но нашёл славную девушку, которая не задавака и очень храбрая, вдруг захотевшая при нём переодеться. Она бесконечно долго снимала с себя одежду. Он тактично отвернулся. Слушая магнитофон.

Было жарко и темно. Они не знали, как правильно быть взрослыми, но пытались узнать, ведь это часто показывали по местному телеканалу поздно ночью, хотя одно — видеть и слышать, а другое — попытаться войти в новую ситуацию жизни. ...Они огорчились. Ожидали чего-то сказочного. Было волнение, но великой радости не испытывали. Проверили так ли всё чудесно, как пишут в новых книжках, как показывают по видеоканалу. Мудрая Анечка повесила на входную квартирную дверь замок, чтобы с улицы показалось, что «все ушли».

— Ложись на мамину кровать. Что стоишь? Я свет погашу. ...Это всё мне? — удивилась девушка, дыша шампанским и пельменями. — Если как-то уменьшить. Что-то боязно. Я только потрогаю. Я впервые вот так... подержу... и разберусь. — магнитофон, хотя и трудился посредством нагревания своих радиоламп, но звучание имел чистое и звонкое. Тактично умолк, а его левая пустая кассета страстно завращалась, перемалывая душную полутьму спальни, настоящую на запахах кухни и умирающей в зале сосенки, увешенной сверкающей «чепухой». — Я давно решила. Я мечтала о тебе. Представляла нас. ...Спасибо. Я тоже ещё ни с кем не была так... Мне нравится. А тебе? Ну, вот теперь всё. — равнодушно проговорила Аня. — Значит всё, — повторила вызывающе и зло. Теперь не страшно. Так просто. Девки говорили, будто бы больно. ...У меня ничего не получается. Ты давишь сильно.. Какая-то волна накатила. А у тебя? ...Тоже? Почему-то неприятно стало.

Андрей хочет сказать, что ему противна близость, но боится обидеть Анечку. Ему кажется, что бредёт по горячему рыхлому песку. Прилагает усилия, но оглянувшись, понимает, что топчется на месте. А что дальше должно быть? Спрашивает себя. Не знает ответа. Не знает, как должен поступить.

— Подожди. Хватит. ...Давай посуду мыть. ...Я это поняла. Ты первый и последний. Замуж я не собираюсь. Иди в душ. — Начала раздражаться хозяйка, сбрасывая ногами простыню.

Он думал, что исковеркал ей жизнь, воспользовавшись слабостью. Ругал себя, понимая, что Аня всё рассчи-

тала, всё предусмотрела. Она так хотела, используя его, как реквизит, как пособие.

— Давай не станем встречаться. Ты не обижайся. Может быть, когда-нибудь повторим. Нам нужно учиться. Ты ещё и в армии не служил. Поступать будешь? Ты мне нравишься, но это ничего не значит. Я старше на три года. Это много. Мы жили на кордоне, школа за десять километров. ...Мама меня учила иногда. ...Ну, и Пугачёва старше Киркорова. Это у них там. А у нас — иначе. Будем переписываться. Летом на каникулах встретимся.

Аня прислала два письма. Он забыл ответить на последнее. Отправлял праздничные открытки с равнодушными словами. Аня училась в Бийском педагогическом, но заболела. ...Летом к ней пришёл. Встретила отчуждённо. Граф с отцом были в топографической экспедиции. Нехотя перебрасывались пресными фразами. Он приглашал её в парк, на лодочную станцию. Аня отказывалась, ссылаясь на свою редкую болезнь.

Он устроился на работу в «дорстрой», кидал горячий вонючий асфальт, зарабатывая на одежду. Отец помогал, но скудно и редко. Потерял работу. Пытался организовать строительную контору, но его подставили коллеги. На него повесили долг.

...Но почему-то часто видит во сне хитрую Анечку. Тот памятный Новый год. Была ещё одна встреча; суетная и холодная, после кино, они долго ходили по зимнему городку. Потом забрались на сеновал. Душистое сено хрустело под ними. Внизу вздыхала корова и переступала копытами. Анины глаза светились в полумраке, блестели, как вымытые виноградины. Он лежал с ней, обнимал знакомое

тело и ласково что-то плёл. Она неожиданно задышала, засопела, вероятно, поняв, что лежание затягивается, рассерженно сказала, что другого случая ему больше не представится. Он боялся за её здоровье, ведь очень холодно, могла застудить в себе что-нибудь, а вполне могла быть и настоящая беременность, со многими последствиями, которые не принесут радости ни ему, ни ей.

Б.

Андрей обошёл несколько знакомых магазинов, предлагая услуги по переноски коробок и пивных бочат. Его помнили, и разрешали сложить тару. В коробках иногда были куски печенья, вафлей. Предлагали за работу китайскую лапшу, пачки сигарет в разодранных упаковках, а иногда просили забрать просроченные продукты. Это были вздувшиеся банки с рыбными консервами, плесневые куски масла или сыра. Не отказывался и от батонов колбасы с белым налётом. Если не чувствовал запах явной гнили, то жиры, сыр переплавлял, удаляя накипь, а консервы обрабатывал паром. Грязную сорную крупу мыл под краном, а потом варил. Проветривал комнатку и дегустировал «исправленные» продукты. Оля со страхом следила за ним, входила на кухню с учебником. Говорила, чтобы выбросил «варево». Она боялась за него. Они ни разу не отравились. Обжаренная в духовке колбаса, ничем не отличалась от купленной... Олины подружки с удовольствием ели макароны с колбасным фаршем. Хвалили Великого кулинара. А Валя Сокольникова целовала Игоря в щёку, говоря, что это от всех.

Придя как-то с разгрузки вагонов очень поздно, Игорь тихо разделся, не включая свет, лёг на кровать. Маши-

нально обнимая жену, вдруг понял, что это не она. Девичьи руки настойчиво касались его плеча, шеи, а губы... Тотчас раздавался сонный голосок Оли:

— ...Валь, так же нельзя. Надо спрашиваться. Игорь устал, а ты пристаёшь, как ненормальная, — полушутя, переползая через подругу, говорила хозяйка кровати и её окрестностей, — ...Я не жадоба, Валь, но он-то устал. В другой раз разрешу тебе, как близкой подруге, — раздавался тихий смех, а Андрей молчал, обнимаемый женой.

Зимой пожилая соседка — Зоя Петровна Денисова пригласила Андрея посетить ларёк мясокомбината, в котором продают за сущие копейки кости на суп, ливер, кровь, свиные шкурки и прочие «деликатесы» для пенсионеров и малообеспеченных горожан. Согласился помочь, прихватив разбирающуюся детскую коляску, ведро и мешок. Ларёк не открывали. Тогда женщина повела Андрея на специальную свалку, где, толкаясь с другими женщинами и небритыми мужчинами, набрали не замёрзших коровьих копыт, кишок и требухи. Взяв ведра, соседка ушла на проходную. Её долго не было. Через некоторое время призывно замахала с крыльца варешкой. «Тут моя кума работает, — пояснила Денисова. — И я до пенсии колбасу варила. Можно грузчиком тебе устроиться. В ночную смену возьмут. Поговорю? Выпьешь с кем нужно, примут. Плохо то, что ты учишься, а на заочное нельзя тебе перейти? Будете жить-поживать. Думай, пока кума не ушла на пенсию. Посылай свою, научу колбаску-кровянку делать, оладки печь». Он подумал тогда, что перевод на заочное не прост, а в армию заберут, как дважды два.

Оленька не разрешила работать в кочегарке, плакала,

не хотела оставаться одна. А, когда Андрей работал ночью, звонила Валентине, приглашая к себе. Панически боялась одиночества. Андрей уговаривал пойти с ним. ...Могла делать в котельной домашние задания, а он — следил бы за котлом, бросал уголь. Отказывалась, говоря, что заболит голова от запаха горелого угля. Ему пришлось смириться.

Когда Андрей приволок на тачанке груз (на трамвай не сажались из-за требушиного запаха), принялся обжигать шерсть с бычьих ног паяльной лампой. Выливая кровь из ведра, Оля обнаружила пять колец копчёной колбасы, пошла к соседке. Зоя Петровна колбасу не взяла, порекомендовала продать соседям, назвала номера квартир, где могут взять по цене чуть ниже магазинной. Женщина помогла развесить её и упаковать в мешочки. Оля записала рецепт ливерной колбасы, кровяных оладий, холодца. Тётя Зоя показала, как мыть требуху, как чистить кишки. Но Оленьку так затошнило, что побледнела.

Пришла, вытирая глаза, сказала Андрею, что останется без ливерной колбасы, от запаха кишок её почти также вывернуло, а оладьи попробует сделать. Андрей не смог довести до ума кишки и требуху, отдал соседке, но сходил за мукой, подсолнечным маслом. Оля лежала на кровати расслабленная, бледная. «Отрезала колбасы, опять затошнило», — сказала виновато девушка. Андрей напёк большую миску чёрных оладий с вкраплениями кусочков колбасы. Оля не могла есть в тот вечер. И на следующий день не притронулась. От запаха жареной крови её мутило. Колбасу не стали продавать. Оля сказала, что девчонки голодают, сдают кровь. Андрей согласился поделиться. Ему стало жалко милую Валентину, у которой погибли родите-

лей, а тётя жила далеко, помогала редко.

Прошёл год, как они встретились. Андрей отлично помнит тот вечер в общежитии медучилища. Мишка Родинов пригласил на день рождения землячки. Оля сидела слева, а строгая девушка Валя Сокольникова – справа. Он оказывал знаки внимания той и другой. Валя почти ничего не ела и не пила, на его знаки внимания не реагировала. Оля стеснённо принимала ухаживания Мишки, но, когда Андрей предлагал что-нибудь съесть, — оживлялась, не отказывалась, но пила только пиво и не курила, как другие девочки.

Сидели у стола невыносимо долго. Ели столовские пирожки непонятно с чем, жеманясь, пили водку, разведённую сиропом. Предусмотрительный Мишка купил в аптеке шиповниковый сироп, слил в литровую бутылку из-под какого-то импортного вина, заготовленную заранее. «Ликёр» девочки «принимали» из мензурок, словно лекарство, а пиво тянули из столовских стаканов, посыпая на края зачем-то крупную соль. Оля ему понравилась самостоятельность, собственным мнением. Валя с гордым видом наводила на столе порядок, не танцевала ни с кем. А одному парню дала по спине. Тот пытался обнять её, прижав в дверях. Он её выделил, как только с Мишкой вошли в комнату. Но получилось так, что его забота о маленькой Оле родило чувство тревоги за неё. Она не спешила делать, как все. Выглядела, как намокший воробышек, — незащитно и печально. За весь вечер едва одолела стакан пива. Хотя Андрей пытался её подвигнуть на ликёр, но она вздохнула и сказала, что никогда не изменяет своим принципам, не переносит алкоголь в любых видах и формах.

Листовский перестал прикладываться к мензурке. Понял, что ей это нравится.

Именины невозмутимо затягивались. В комнату набилось много девушек с миниподарками и короткими тостами. Начались в коридоре танцы. Пришли развязные пацаны, принялись с большой скоростью поглощать тощие пирожки, отварные длинные макароны, печёночную колбасу. Оля пригласила его на круг. Андрей не танцевал, считая это признаком «дикаризма».

— А что если нам потанцевать на свежем воздухе. Накурили, как в коптильне.

— Пойдём, — согласилась, блестя зеленоватыми глазами, девушка. — У меня в голове звон возник. Разве тебе не слышно? — Удивилась Оля Перова.

Он прислонился к её виску, потом к губам. Девушка не дёргалась, не отталкивала, словно знала его давно. Равнодушной к его вниманию не была, но всё происходило как-то быстро и странно. Милая Валя ушла с вечеринки в соседнюю комнату. Лишь потом он встретит её...

На первом курсе пытался переписываться с Аней. Ему казалось, что любит, поэтому в каждом письме пишет, что скучает и даже на дискотеку ходит очень-преочень редко. Туман отчуждения всё густел от времени. Он поздравлял её с праздниками, скорей всего по инерции... Люба не ответила на его письмо. Она, как сказали знакомые девушки, скоропостижно вышла замуж.

Они бродили по лакированному дождиком вечернему асфальту, который невозмутимо отражал свет фонарей и фар, проезжающих авто. Он прижимал её к себе, Оля спокойно принимала его неуклюжие ласки. Было доста-

точно тепло. Осень не собиралась окончательно срывать с деревьев листья, а лишь изредка сыпала на город мелкой влагой. ...И от мороженого Оля не отказалась. В кафе «Белочка» выпили по стакану молочного коктейля. Андрей не часто, но бывал с друзьями, когда получал деньги за разгрузку вагонов, когда получал зарплату за работу в кочегарке. В кассах кинотеатра не оказалось лишнего билета. Показывали третий день «Цветок в пыли». Женщины рвались в зал, целыми ротами, серьёзно плакали над историей потерянной любви. Они вернулись в кафе. Посидели за столиком, за которым обычно сидят мамы с крошками. Пили ароматный кофе, хрустели шоколадными вафлями. Говорили, словно сорвавшись с цепи, старались рассказать друг другу всё самое интересное, что с ними происходило. в прежней жизни.

Андрей привёл миленькую спутницу в котельную, где проработал три зимы. Белели своими незагорелыми спинками кирпичи, оставшиеся после обмуровки котлов, блестела, полированными гранями больших и малых камней, куча угля. Он по-хозяйски снял ржавый замок от «честных людей», пригласил Олю в бытовку. От чая отказалась, села без страха на продавленный диван с высокой старинной спинкой, принялась ждать, когда кавалер наберётся настоящей смелости, а он всё обнимал за плащик на плечах, держал руку, лаская каждый пальчик. А мог ведь не греть этот противный чай, а сразу выключил тусклую лампочку над неуклюжим большим верстаком. Она устала от неопределённости, понимая, что вечер для него должен быть запоминающимся и счастливым, поэтому обхватила его сильную шею и поцеловала заботливо и умело. У неё

ничего не было ценного, что могла подарить ему на память, чтобы не забыл эту нечаянную встречу, а запомнил её нежной и ласковой. Она хотела, чтобы её помнили и долго не забывали. Поэтому ненавязчивая доброта была безграничной и бесценной. У Андрея, как пишут в романах, стремительно пошла голова кругом. Она целовала его нежно, спокойно, тепло, словно делает любимую работу. Он трогал её в разных местах и удивлялся несхожести её тела с Аниным.

...Оля оказалась другой — ласковой и внимательной. Что такое седьмое небо? Это сахар по сравнению с тем, что почувствовал тогда в котельной. Задыхаясь от пьяного восторга, гладил её хрупкие тощие плечики, волосы, что-то бессвязно бормотал.

— А тебе, — прошептал, когда Оля взялась поправлять, отвернувшись, длинную клетчатую юбку, застёгивать кофту, которую разрешила расстегнуть.

— Мне — достаточно, — чуть-чуть нервно сказала, вытирая платочком губы и подбородок, заглядывая в овальное зеркальце в спинке древнего дивана, на котором спал Андрей, заведя будильник. — Мне замуж придётся выходить, а у нас не чукотская страна и далеко не Франция.

— Давай, Оля, поженимся. — предложил неожиданно для самого себя Андрей. Он не любил быть должным. А что он мог её предложить? Двести рублей? Она бы обиделась. Убежала. Никогда они больше не встречались на этом молчаливом диване, переставшем скрипеть после того, как Андрей отремонтировал, заменив пружины на резиновые мягкие подушки-сидения старых грузовиков, ко-

гда ещё не знали поролона. У него, как и у Оли, ничего не было с собой дорогого. ...Поэтому предложил себя. Не на время, а навсегда. Понимал, что ей будет с ним хорошо, потому что не глуп, освоился в городе. У него есть кочегарка-крыша над головой, в которой будет работать по ночам, получать зарплату, чтобы им хватало на каждый месяц. Теперь — на двоих.

— Новости. Свистни ещё раз. Я тебя четыре часа вижу, а ты меня ещё меньше, ведь ты засматривался на Валюшку. Она у нас эффектная. Бедная Валя. Добрая и справедливая. У неё — никого нет. После гибели родителей живёт, как в тумане. К ней липнут, а она всех отшивает. ...А на меня никто не обращает внимания. Я дружила в детстве с одним мальчиком. Он сейчас в армии. Переписываемся... Он вялый. Он очень любит меня. А я — как-то не отвечаю. ...Меня можно со школьником спутать.

— Это судьба. Сделаем это не как все. Можно дружить пять лет, а потом после свадьбы разойтись. Тебе хорошо от того, что мне хорошо? Я тоже не эгоист. Родители мои живут в Тасино. Живут не богато. Отец ушёл к молодой, мама воспитывает мою сестру.

— У нас тоже семейка — четверо школьников. Я — третья. Старшую хотят выдать замуж за шофера. — Она тихо рассмеялась счастливо и приветливо. — Здесь замуж выходить антисанитарно. Торжественность должна какая-то быть. Чтобы через сто лет можно вспомнить нашу брачную тёмную ночь, как праздник. Ты мне нравишься. Правда. ...Доверяю тебе себя. ...Я шить умею. Рубахи твои старые буду носить и перешивать. Перекантуемся это смутное время. У моего дяди есть халупа под снос. Он её сдаёт

иногда. Комната с отдельным входом. Говорит, была дворницкая когда-то. Он в неё с семьёй вселился, когда работал дворником, потом на «карандашке» строгал. Квартиру жене дали. Хочу, чтобы дети, чтобы тебя с работы ждать. Я готовила себя к замужеству, потому и поступила в медучилище. Я люблю наших детей. И тебя люблю. Я — козерог. Мы вот такие. Привязчивые, и до конца жизни. Ты не будешь страдать от моего невнимания. Я всегда буду с тобой в радости и в печали. Беру тебя в мужья по доброй воле...

— Клянусь, заботиться о тебе всю нашу жизнь. Клянусь быть честным и справедливым и все деньги приносить только домой. Поедем к твоему дяде знакомиться. Надо, чтобы кто-то нам разрешил пожениться. Тебе нет восемнадцати ещё? ... Через семь месяцев.

— Не пей с ним. Он любит спаивать народ. А вообще, хороший. Он меня любит.

Андрею нравятся девушки. В каждой — находит особую радостную прелесть. Мог он тихо любить соседку, которая ходила в рваных чулках, в замурзанном материнском халате, подвязанным бинтом с коричневыми пятнами. У Таи звонкий, как у Булановой, страдальческий голос, и она пела романсы, когда полола грядки. За этот нестерпимо-трогательный голосок прощал ей — и халат, и чулки и пятно сажи на лбу.

Однажды пригласил в кино. Все смеялись в зале, а она плакала. Он утешал её, просил не рыдать так громко. Ему показалось, что зрители ржут, услышав её голос. Они часто бродили по ночным улицам или сидели под черёмухой в

конце огорода Листовских. Она целовала его беспрестанно, словно за ней кто-то гнался или она торопилась выполнить установленную норму. Он вдруг почувствовал ответственность за неё. Тае было всего шестнадцать. Неожиданно, когда Андрей погладил гладкие плавки, девушка сказала, что её изнасиловал месяц назад отчим, но она не сказала маме, но мама догадалась, и выгнала очередного мужа. Андрею стало жалко девушку. Он повёл её домой. А через неделю Тая каталась на мотоцикле с парнем из общепития. Она громко смеялась, увидев Андрея. Он догадался — пьяна. Уезжая на экзамены, увидел на автобусной остановке Таю. Её лицо скорбно морщилось. Андрей шагнул к ней, но девушка убежала...

В.

Что он делал дальше?

Андрей поехал на вокзал, надеясь заработать подносной тяжёлого багажа. Платили скудно, но платили. Ему повезло. Мужчина в кожаном пальто выгружался на стоянке такси. Два больших чемодана, какой-то импортный картонный ящик — похоже монитор. На ступенях вокзала эффектно, словно модель, молодая женщина в коричневой дубленке призывно махала.

— Разрешите поднесу. Хотите паспорт в залог?— подбежал Андрей, вынимая документ. «Кожаный» кивнул. Листовский схватил оба чемодана. Тут ему помогла наследственность по линии прадеда. По рассказам деда тот был силен, и на Пасху крестился двухпудовой гирей. Наверняка, в чемоданах нового русского доллары или свинцовые чушки для остойчивости яхты. Андрей нёс к поезду груз. А тут словоохотливый хозяин, пыхтя, начал допрос:

— Некому помогать? Женился? Отговаривали? В Политехе? А девочка стоит суеты? — вопросы сыпались как дробь из дырявого мешочка. — Как бывает. Подаст девчонка себя с хорошей подливкой, молодец слаще морковки не пробовал. Вот тебе привет с большого бодуна. Выбери, не выбирай — пролетишь.

Разговорчивый сунул в руку хорошую купюру, махнул приветливо, как старому знакомому. Удар в спину заставил Листовского опуститься на знакомом перроне.

— Место — наше, — прошипел маленький с бледным злым лицом и крупными веснушками на курносом носу. — Предупреждали?

— Не спорю. Ваше. Мне Старый разрешил. Я тут редко, а ему отстёгиваю.

— Раз Старик, — разулыбался высокий парень в спортивных брюках, в кожаной курточке и вязаной красной шапочке-петушке. — Держи краба. Проверим...

Андрей слегка хлопнул его по ладони. Третий — вертлявый, симпатичный мальчишка лет четырнадцати (Андрей его раньше не встречал с этими жучками) подошёл, полез обниматься, но Андрей сделал шаг в сторону, освобождаясь от длинных рук подростка.

— Ну, давай. Без обид? — находу, говорил высокий и вдруг громко засмеялся. Дурашливо толкаясь, смеялись и другие.

У вокзальной двери Андрей сунул руку в карман. Денег не было. Не оказалось их и в другом кармане его чёрной вельветовой куртки, в которой ходил зимой и весной, а в морозы пристегивал утепление из искусственного меха. «Когда успели? — недоумевал, — Циркачи». А так

хотелось купить булку с сыром. Придётся подождать. Студентов и волков кормят не только ноги, но и голова. Взяв портфель у продавца газет — пожилой женщины, которой сдавал его на хранение, а сам ловил пассажиров с грузом, вышел на привокзальную площадь.

У гастронома стояли два бомжа с небритыми, избитыми лицами. Андрей знал, что в это время из пекарни привозят хлеб. Водитель хлебовозки за разгрузку давал две булки ржаного хлеба или батон. Лотков было немного. Выбирать не приходилось. Андрей быстро носил лотки, вдыхая аромат тёплой сдобы. Коршуном кинулся бомж к лотку, схватил грязными руками витой калач и метнулся к детскому грибку. Водитель не заметил похищения, а Андрей молчал, понимая, что этим людям из подвала тоже нужно что-то есть. Продавцы посчитают привозку, выскажут завтра водителю претензии о недостатке. Тогда Андрей снял куртку и повесил на крайний лоток. Этим он обезопасил себя от подозрения и поберёг одежду. От сдобы остаются следы, носить на вытянутых руках можно три лотка. Водитель принял высокий темп Андрея, бегал из магазина, так, чтобы автомобиль был в поле его зрения. Второму бомжу не повезло. Водитель его застукал, а молодой мужчина, протягивая мелочь, стал просить «полбуханочки». Работавший в прошлую зиму водитель так близко подгонял к двери автомобиль, что желающие поживиться, не могли протиснуться в узкую щель. Андрей одевался на улице, водитель закрывал отсеки. Подал батон. «Хозяин злой сегодня. Лому не дал. Приходи завтра». Андрей вернулся в коридор магазина за портфелем.

— Ничего, что позавчерашний? — сказала техничка,

заталкивая в его портфель третью буханку. — Моя тоже учится в Новосибирске.

— Я — рассчитаюсь, — сказал Андрей, понимая, что это уже не оплата за труд, а подаяние.

— Не думай. Всеравно спишут.

Он сдал зачёт, заработал хлеб. До закрытия базара ещё далеко. Буду караулить пассажиров. Можно купить пакет молока. Отрезав горбушку большим складным ножом, стал, есть, словно это был любимый Оленькин «сникерс». Нужно открывать своё дело. Ремонтировать, собирать мебель, чистить канализационные трубы. Пойду сторожем в комок. Стабильная зарплата. Летом можно будет устроиться в строительную бригаду, вставлять пластиковые окна или делать евроремонт. Пусть Оля обижается, но так жить нельзя.

Мама, ты была права. Надо выжить. Работал бы кочегаром. И стаж шёл. Почему я послушал её? Не она отвечает за семью, а он. Законы рынка беззаконны. Нужно найти спрос и удовлетворить. Кочегар — это звучит гордо. ...Строятся три дома около общежитий лесотехникума, завтра узнаю, может быть, нужен сторож или подсобный рабочий в ночную смену. Научусь. Носилки, бетон, раствор, кирпичи. Опалубка. Смогу.

Андрей оставил портфель у киоскерши. Со стаканчиком пошёл к самовару с кипятком. На пустом сидении лежала газета «Белозёрская неделя». Выйдя к остановки такси, принялся изучать объявления.

...Квартиры нам ненадо, стройматериал не требуется. Кошечку завести или хомячка? Волнистые попугайчики. А это что? «Требуется специалист по уходу за аквариумными

рыбками». Позвоню? ...Какой ты специалист? Не по разведению, а по уходу. Под лежачий камень пиво не подтечёт. Иди, звони, ихтиолог занюханый. ...Работа постоянная. И рыбки у меня были. Даже чёрные меченосцы. Возможно, приняли кого-нибудь. ...В лоб не дадут. А дадут — за дело. Прежде чем жениться, нужно было думать головой, а не...

Из окна трамвая увидел крышу бани. Здание старинное, старшекурсники говорили, что в нём когда-то располагалась стрелецкая дума. До революции устроили баню. Это лучшая баня в городе. Толик Бут, когда разгружали вагоны с углем, поведал, что иногда он водит девушек в номера, а всё это удовольствие, сто рублей. Вино можно взять с собой. Есть номера четырёхместные и двухместные. В будний день, когда мало посетителей, можно пару часов мыться, стирать бельё и прочее.

Однажды в воскресенье долго стояли в банной очереди, вдыхая запахи мочёных берёзовых листьев, прокисшего пива и потных тел. Андрей сделал всё, как научил Толя. Положил в паспорт деньги, подошёл к женщине в белом. «Подождите, — сказала кротко и тихо. — Я вам кивну, назову номер кабинки». Оленька нервничала, когда Андрей повёл её за руку, забрав сумку с мочалкой.

Она раздевалась медленно оглядывая фанерные зелёные стенки каморки, краны и мутную лампочку с ореолом от пара у самого потолка. За стенкой тихо разговаривали и давились радостным смехом, булькала вода. Он ополоснул кипятком тазы, начал обливать скамеечки, решётки на полу, попросив её встать на скамейку, чтобы не замочить боты. ...Залюбовался фигуркой жены, а та прижимала к гру-

ди руки с мочалкой и отворачивалась.

— Чо смотришь? — состроив гримаску глубокой обиды, махнула рукой. Андрей тоже начал снимать одежду, развешивая на крючья в крохотном предбанничке.

— Какая же ты... — задохнулся от глубинного счастья, входя в кабинку. — Просто чудо. — Оля всё ещё стояла на скамье, пытаясь детально рассмотреть краны, стены. — Маленькая Венера Милосская только с очаровательными ручками.

— Можно, я здесь постираю? — спросила девушка, ополаскивая голову. — Никто не станет нас ругать? ...За двадцать минут успею. А дома посушу. Опять на меня так смотришь?

— Одень что-нибудь. Не могу смотреть на эту красоту. ...Отвернулся. Ты — совершенство. ...Ты — необыкновенная. Тебя надо рисовать на картинах.

Когда вышли из бани, Оля неожиданно спросила:

— Часто ты тут моешь девочкам спинки? — Андрей остановился.

— Первый раз, — рассмеялся, обнимая Олю за плечики.

Когда были деньги, они ездили в эту баню среди недели. Андрей покупал лимонад, Оля делала бутерброды. Знакомая тётка просила оставлять бутылки под столом у выхода. Давала номерок от четырёхместного номера, где был столик и низкие стулья. В парную ходили в простынях, закрывали дверь на засов и грелись, напиваясь жарким паром. Как-то пришёл с лекций. Оля напевала свою песню о четырёх неразлучных тараканах и сверчке. На голове чалма из полотенца. На шнуре висели его рубахи и её

плавки. Она его угощала перепревшей несолёной гречневой кашей, рассказывала, как водила подруг в чудесные номера, а те просто были шокированы, благодарили сто раз за чудесное открытие банного праздника.

Через сорок минут Андрей стоял перед металлической дверью, давя взглядом, белую кнопку звонка Улица Лебедева была не далеко от базара. ...Зачем ты тут? Захотел в служанки определиться? ...Ты трусишь? Тебе сказали, приезжайте, ради хохмы, а ты лоханулся.

— По объявлению. Это я вам звонил. Вот мой паспорт, студенческий, — лепетал высокий симпатичный парень в чёрной куртке, отделанной коричневой кожей. Цепочка свалилась. Дверь раскрылась во второй раз.

— Проходи. Куртку сюда. Сейчас чай пить. Руки здесь мой. Не успеем поговорить. Мне срочно отъехать. Таким я тебя и представляла. ...Это близко к диплому, — высокая статная женщина возвратила паспорт, внимательно рассматривала записи в студенческом билете. — Пойдём в зал.

Поразили аквариумы. Три! Огромные. Сказочные подводные царства. Спешили вверх цепочки крохотных пузырьков воздуха, сновали, играя красками, экзотические рыбки. Зелень растений, подсвеченная сверху лампами дневного света, притягивала магнитом. У него был аквариум. На сто литров. Учился разводить неонов, кардиналов, даже пытался вывести новую породу меченосцев, вёл дневник, читал литературу по аквариумистике. Видел большие аквариумы, но таких — не доводилось. В Тасино были любители рыбок, почти всех знал, встречались на ба-

заре, обменивались, общались.

— Нравится? — ласково спросила женщина в тёмном платье с блёстками. Она и сам похожа на моллинезию, — подумал Андрей.

— Всё подобрано по странам, по океанам. У меня были рыбки, но сейчас у родителей...

— Андрей. Мне нужен заботливый помощник, а не профессор по ихтиологии. Покойный муж занимался, а у меня нет времени. Часто уезжаю, уезжаю надолго. ...Ираида Семёновна Мозина. Вот и чай поспел, — женщина опять внимательно осмотрела Листовского шоколадными глазами, — оставляла на соседей. Любопытные. Везде обшарили, полную ревизию навели. У меня есть ещё одна любимая рыбка — котик. Ты где Дёма? — Подошёл чёрный кот средних размеров и, потеревшись о брюки Андрея, завалился набок, подняв лапки в белых тапочках, на мордочке белый треугольник. — Ты ему понравился. Придётся погладить. Так он только в детстве делал. Ему туалет менять. — Женщина радостно показала кошачий ящик с опилками. — Он вообще-то в раковину ходит, что в ванной. Такой чистюля. Любит фарш, а эти новомодные иностранные кушанья не переносит. Патриот. Отпускаю его. Куда деваться. Природа требует. — Ираида Семёновна открыла холодильник, показала, где лежит кошачий корм. Достала тарелку с нарезанной колбасой и сыром. Не гнушается пельменями, но ест не каждые. Обожает гольянов и чебаков. Колбасу ест только местного производства.

Хозяйка разливала чай, садясь, вскакивая. Непроизвольно Андрей отметил, как легко и быстро встаёт, садится. «Спортсменка, однако, — подумал Андрей. — Привле-

кательная бабулечка. Лет сорок, а выглядит на тридцать. Глаза тёплые участливые с искорками, паспорт даже не полистала. Доверчивая. А может, поняла, что я из себя представляю. ...Короткая стрижка молодит. Волосы крашены. Седина пробивается.

...Андрей жевал твёрдую колбасу, пил ароматный чай. Неожиданно кот прыгнул ему на колени, задел хвостом по лицу и начал мурлыкать, впиваясь когтями в коленку, которую ушиб, когда разбирал шифоньер. Женщина просто подскочила от радости.

— Он к дочери не идёт, а к тебе... Вы тут ешьте, а я подмалююсь чуток. Куришь? Сигареты на полке с книгами. Кури на кухне. Люблю запах хороших сигарет. Не забыть — деньги. Купишь корм. Раньше сама ловила дафний. У тебя времени мало. Сессия. Через месяц появится микрокорм.

В лифте Ираида Семёновна так посмотрела на Андрея, что он забеспокоился — не сделал ли чего глупо-дурного, что могло отразиться на его последующей работе и взаимоотношениях. Они стояли в тесной кабине, вдыхая привычные лифтовые запахи. Листовский почти ликовал. У него есть работа! В отсутствии хозяйки они вполне могут жить в уютной квартире, ухаживать за рыбками и кормить Дёмочку, который проводил его до двери. Добрецкая бабулька — не пожадничала. Теперь можно купить батон колбасы, пару килограммов яблок и плитку того, что нежнее шёлка.

— Машину водишь? — взглянула ему в глаза женщина.

— Удостоверение есть, но практики мало...

— Автомобиль стоит в гараже без движения. Не мумия, но труп. Изношен мало, первая модель «Жигулей». Два сезона ездили на дачу. Потом муж заболел. Знакомый аккумулятор взял в аренду, обещает купить новый, если я потребую. Резина подношена. На станции разуют и раздедут. Не женское дело в моторе ковыряться. В рабочее время у тебя учебный процесс, а в выходные дни мы с тобой свободные птички. Придётся, Андрей, посвящать их нам. Ты как?

— Нормально.

— После обеда приходи. Часам к двум. Гараж покажу.
— Ираида Семёновна улыбнулась своим мыслям и вздохнула. Её сильная грудь поднялась высоко и плавно опустилась.

Они расстались на автобусной остановке. Весеннее солнце светило радостно и обнадеживающе. В сквере жгли прошлогодние листья, нарядные девушки и женщины сгребали зимний мусор и подбеливали деревца. На остановке разговаривали пенсионерки с сумками. Андрей невольно услышал разговор. «На крови можно заработать». «Много платят?» «В прошлый месяц хорошо отхватила, а вчера только печень дали в баночках, по десять штук. Таки малюсеньки напёрсточки». «Не знают как народ бедный примануть. А куда деться?»

Андрею показалось, что асфальт под ногами обмяк и стал уходить в сторону. «В комодке было ровно десять баночек. ...Какая кровь? У Оленьки и пару литров не наберётся. Я — не муж. Я — кровопийца. Ведь были же деньги. Можно как-то растягивать. «У подружки родители погибли, нужно помочь», — говорила ненаглядная. Ей кто

поможет? Я».

Листовский отстоял небольшую очередь, достал из кармана сетку. Покупал расчётливо. Необходимое: морковь, лимоны, яблоки, свёклу, банку яблочного сока. «Она сдала кровь. Не притронулась к банкам, пока я был на лекциях. Ждала его — мужа, хозяина, добытчика. Он не может обеспечить жену витаминами». Вчера носил мебель на пятый этаж. Хозяин пообещал заплатить как-нибудь, но коллега — пожилой мужчина из соседнего двора, с которым Андрей знаком, — отирая пот, ударил вязаной шапкой по перилам. «Ты хоть на пузырьёк дал. Жрать нечего, а он на дурничку хочет прокатиться. Пятый этаж. Андрейка, тащим диван вниз». Жена хозяина засуетилась. Вынесла бутылку самогона и немного денег. Деньги Андрей забрал, а бутылку отдал напарнику. В кулинарии Андрей купил две котлеты, двести граммов засохшего плова, и столько же дрожжевого теста. Пока Оля примеряла и дошивала блузку подруге, Андрей напёк десяток пирожков с пловом, поджарил котлеты, отварил остатки лапши. Неожиданно вошла Сокольникова с подругой

Он помог им раздеться, и увидел, как от запахов у них заблестели глаза. Ему приходилось голодать. Он понимал, что девушкам труднее найти работу в городе. Поэтому сразу предложил помыть руки и заняться сервировкой стола. Еды им могло хватить на два дня, но пирожки из плова и разрезанные котлеты с отварной лапшой исчезли мгновенно.

Это было на первом курсе. Деньги копил, хотел купить матери подарок к дню рождения. Старшекурсники

пригласили на разгрузку угля, познакомили с нужными людьми, отвечающими за разгрузку вагонов и сохранность грузов. Иногда Андрей рыбачил, жарил на шампурах улов. Как-то отдал пожилому дядьке пойманного на закидушку солидного налима. Где бы он его варил? Кита! У соседа не клевало в тот вечер. У костерка разговорились, сварили из мелочи уху, познакомились. Дядя Серёжа предложил пойти к нему в напарники. Три зимы Андрей бросал уголь в топки в небольшой котельной, отапливающей три корпуса общежитий лесного техникума.

А ещё он купил модные колготки и ночную рубашку. Оленька сшила себе пижаму, но в комнате, пристроенной к старому трёхэтажному дому, зимой не жарко. Андрей хотел летом установить ещё батарею, утеплить дверь и пол в сенях. На столе увидел записку: «Андрейка, пошла в консультацию». На подушке заметил ещё один бумажный клочок с ровными буквами: «Я очень скучала. На лекции не ходила. Опять было это. Зайду к Юльке в комок. Твоя — навеки».

Куда пошла — в комок или в консультацию? Чайник холодный. Ушла давно. Если её опять тошнило, то ничего не ела. Хлеб в пакете не тронут — Печень в холодильнике — не открывала. Решил отварить макароны и сардельки. Съел кусочек и написал записку. Одна Оля не станет есть. Будет его ждать. Если приходил ночью, задержавшись на разгрузке или погрузке на овощной базе, его ждал ужин из недосоленной и слипшейся лапши и голодная юная жена с учебником «Акушерство» в холодных руках. Когда вваливался в час ночи под «газом», чайник с тёплым компотом укутан одеялом, а разваренная гречневая

каша, остывая, ждала его. Стыдился в те томительные минуты. Вынимал из карманов мятые бананы и апельсины, отдавал заработанные деньги. Лучше бы поворчала, накинулась с упрёками. Пилить не умела, искренне радовалась его приходу. Ел отвратительную стряпню и казнил себя разными казнями, а её глаза сияли и пускали бенгальские искры.

В узком коридорчике сидела молодая будущая мать. В женской консультации раньше было тесно. Андрей оказался тут, когда группой, навещали преподавательницу обществоведения, перепутав родильный дом с этим заведением. Молодые и бестолковые — первый курс.

Андрей вошёл в кабинет, постучав в белую дверь.

— У вас что? — удивился седенький врачик.

— Моя жена — Перова Ольга Фёдоровна... была на приеме? Такая маленькая. Естественно, самая красивая — Врач заторможено улыбнулся и начал внимательно читать список в журнале. Строк три. Старичок склонил голову к плечу и вздохнул.

— Таня, у нас Перова была?

— Листовская! — почти выкрикнул Андрей.

— Тоже ваша жена? Листовской не было.

Андрею нужна ненаглядная Оленька, чтобы померить туфли. В зимних ботиках можно ходить и летом, но лучше поберечь на следующую осень. Нужна и яркая курточка. Хотя Оля и показывала ему несколько эскизов своих моделей, они даже купили плотную ткань в пошивочной мастерской, но дальше проект не двигался, не претворялся в жизнь. Не было денег на воротник?

Мясо Андрей покупал на рынке, где у него знако-

мые продавцы, которым помогал отвозить в камеру хранения ящики и мешки. Покупал редко, когда удавалось продать сконструированный журнальный столик или секретер. Мясо на рынке дешевле, чем в магазинах. Мясо на рынке всегда свежее. Мясо, хотя и приросло к костям и хрящикам, но в нём нет ни крахмала, ни бумаги и даже костной муки не обнаружить, как это бывает с колбасой. Из мяса можно сварить щи, нарубить котлет и заморозить в морозилке, из косточек получится наваристый ароматный борщ. Андрей ходил между прилавками, на которых лежали отборные куски мяса, сала, ливер, просил сбросить сотню другую, здоровался со знакомыми рубщиками. Ему предлагали попробовать копчёную корейку, домашнюю колбасу. Он не отказывался, благодарил, шёл дальше туда, где в аккумуляторных стеклянных банках и баночках резвилась многокрасочная рыбная молодь. ...Его позвали. Несомненно, его:

— Мальчик, мальчик, — оглянулся. Звала молодая сутуловатая женщина в белом переднике. Он хотел обидеться. Какой он мальчик? Высокий, широкоплечий, лицо открытое, можно сказать — мужественное, тёмно-карие глаза, прямой нос, тонкие чёрные брови, а волевой подбородок украшает эдакая пикантная ямочка. — Возьмите мою голову. Совсем недорого, — смущённо предлагала она.

— Вашу головку? Она, вам не нужна? — женщина смутилась, трогательно взмахнула руками.

— Нет... Поросёнку голову, — располагающе улыбнулась незнакомка. Её, ненакрашенные тёмно-красные губы были так свежи и так беспомощно-очаровательны, что он больше ничего и никого не видел.

— Мне ваша нравится намного больше, — кокетничал Андрей, чувствуя, что нравится этой сутуловатой, но премиленькой женщине с удивительными светло-серыми глазами.

— Мы не встречались раньше? Кажется, что я видел вас где-то? — Бывают же такие пронзительно-властные зовущие глаза. Они притягивают, располагают. Пройдёшь мимо таких глаз-озёр и что-то дрогнет в сердёке. Не в сердце, не в голове, а где-то в самом центре твоём. Непонятное радостно-грустное чувство окатит с ног до головы. Через неделю, через месяц, заволнуешься, увидев вновь подобные глаза, подумаешь о сказочно-прекрасном лице, словно его списали со старой книжки, на картинках которой живут Иван-царевич, Василиса Прекрасная и какой-нибудь верный друг-Волк.

— Возможно, и встречались. — с хитроватым прищуром быстро взглянула ему в лицо. — Всё может быть. ...Продала. Скучно стоять. Возьмите, много не спрошу.

— Вот вы какая. «Много не прошу», а уже обокрали.

— Когда? — удивилась женщина и её глаза потемнели, сузились, став почти тёмно-синими.

— Возвратите моё сердце, Оно в ваших руках.

— Да ну вас, — улыбнулась женщина стеснительно. — Не отдам. — Незнакомка выпрямилась, расправляя плечи под неуклюжей ватной курткой, и так посмотрела на Андрея, что он перестал дышать. «Я — знаю её. Давно знал эту знакомку».

Какой властный огонь заметался в глубине громадных глаз. Какая женственная обольстительная сила озарила чистое побледневшее лицо. Померкло солнце от такой

великолепной блистательной страсти. Время скукожилось опавшим листом, остановилось. Сквозь войны, моря слёз и горя тянулись многие века две линии жизни и вот встретились нечаянно и потянулись друг к другу.

— Что делать? Меняться. Вы мне — свинячью голову, а я, — Андрей вздохнул, говоря почти серьёзно: — сердце своё отдам. Насовсем. Зачем оно теперь мне. Забирайте.

Листовский вправду забыл обо всём на свете. Забыл о своей ненаглядной жене, забыл о том своём долге, который всегда был с ним. Он стал другим человеком. Этот другой Андрей выскользнул из него и стал отдаляться. Догнать его не было сил и желания. Он раздвоился. Не желая того, превратился в свою копию, в двойника, который не страдал, пытаясь содержать свою молодую семью, не думал о завтрашнем зачёте. Его копия стала жить по своим правилам, по своим желаниям, которые откуда-то возникли. Он не мог осудить её, остановить, пристыдить, приказать, чтобы вернулась на место и не кокетничала с чужой женщиной, не тонула в её глазах. С ним произошло нечто такое, чему и определение не найти сразу. Он и не хотел становиться прежним. Просто не мог.

— Тогда помогите, — озабоченно-стеснительно проговорила совсем не чужая женщина, полуприкрывая свои царственные глаза. Она отгораживалась от всего мира, закрывалась, боясь, что могут подсмотреть её мысли, поймут замысел и откажут ей, возразив, сбросив с себя миг очарования, миг сближения. ...Он узнал её. Не мог не узнать. — Помогите до гостиницы дойти. Мама с братом пошли в магазин, а я всё продала и стою пугалом.

Андрей не ходил в церковь, но знал десять запове-

дей. Почти все...

— А муж — что? — У такой женщины обязательно должен быть муж, — подумал.

— Муж? — проговорила тихо, и скорбные ниточки-морщинки проявились у маленьких губ, — пропал в Чечне. Подержи.

Она заворачивала свиную голову в плотную бумагу. Их пальцы соприкоснулись. Женщина заговорила громко и неестественно:

— Кормов мало. Денег нет. Зарплату в колхозе не платят полгода. Сыну нужно к зиме одежду, обувь. Пришлось забить поросёнка. Колхоз развалился. Всё дойное стадо перевели. Работать негде...

Они шли, как старые знакомые, не обращая внимания на суету, на белые лари с мороженым. Лишь у одного киоска знакомая незнакомка остановилась, долго рассматривала витрину. Выбрала бутылку дорогого вина.

— Ничто не нравится, — притворно-озабоченно проговорила, когда подошли к высокому крыльцу гостиницы. Андрей удивился: зачем продавцу мяса нужно устраиваться на ночлег. Продав продукцию, должна идти на автовокзал, чтобы отправиться домой. Там встретить брата и мать. Что-то не сходится. А если бы не продала, то нет резона сдавать мясо на хранение, платить за гостиницу. Где-то её видел? Она немного походит на одноклассницу. Мало ли похожих людей?

— Тут бандиты собираются. В прошлое воскресенье у соседки деньги отобрали. Если, что скажу плохое, не обращай внимания. Меня зовут Любовь Ивановна Орешенкова. Мы из деревни Семилужки.

— В нашем классе была девочка Люба Давыдова. Мы вместе учились. Походите на неё. Вы не жили в Тасино?

— А где это? — улыбнулась загадочно женщина. — Выпишусь, по магазинам пойду.

Люба взяла ключ у дежурной, подала Андрею большую пустую сумку, выхватила портфель.

— Опять нажрался?! Хотя бы о детях вспомнил! — Люба смотрела ему в лицо и громко говорила: — Я тебя устрою, ты у меня выпьешь, бродяга. — Она добавила такое словцо, что Андрей остолбенел. — Когда, спрашиваю, нажрёшься, алкаш? Все нервы вытянул.

Пареньки в кожаных куртках, сидевшие у столика под большим фикусом, равнодушно отвернулись — привычная сцена. Они и не такое слова слышали и не такие ссоры видели в просторном зале гостиницы. Люба хлопнула Андрея портфелем по спине и пошла к лифту. Он поплёлся за ней.

— Так надо, — улыбнулась хитрая Люба из Семилужков, когда лифт, скрипя и постукивая, пополз вверх. Андрей заглянул в её бездонные глаза, которые становились всё темнее и огромней, понял, что сейчас что-то с ними произойдёт. Она обхватила его шею сильными руками и потянулась к лицу. Он не выпускал из рук свиную голову, сумку, чувствуя, как его губы постепенно немеют, словно только что выпил стакан португальского портвейна. — Наврала я всё. Брат привёз, а сам уехал, устроил и уехал. Не уходи, Андрюша, а? — жалобно и униженно просила женщина, шмыгая носом, — Не узнал? Или шутишь? Как увидела, так чуть не села. Ноги подломились. Стали ватными. Сколько времени прошло. Ты почти не

изменился. Давай пообедаем. Сто раз собиралась тебе написать. Ты торопишься? Ну, пожалуйста...

Листовскому не по себе от того, как унизительно ведёт себя Люба, как умоляюще смотрят на него ласковые глаза. Если бы такое случилось в прошлом году. Он не мог вообразить, что подобное возможно в жизни. Они встретились. Прошло шесть лет. Люба очень изменилась. Не походит на ту подвижную аккуратную девочку, увлекавшуюся танцами и акробатикой.

Перебарывая стыд, неловкость, Люба говорила быстро и горько, веря, что поймёт её, сочувственно отнесётся к тому, как тяжело без близкого человека, без обыкновенной ласки, которая часто становится обыденной и необязательной у многих супружеских пар, привыкших друг к другу за много лет.

— В деревне каждый твой шаг отмечают кумушки. Ты возмужал. ...На каком-нибудь вечере, на свадьбе, если кто-то пригласит на танец во второй раз, так уже и шепотки несутся. Жёны, как квочки, беспокоятся за своих, как бы чего не случилось. Вот и сидишь в сторонке, чтобы не пугать и не нервировать подружек, которые оказались более счастливыми. ...Ты учишься? Работаешь? ...А замуж можно выйти, но не за кого. Пьют мужчины, парни. Безысходность. Работы нет. Уезжают в город. А тут не слаще ... — Люба открыла дверь. Вошли в номер.

Словно милостыню просила, словно чванливого жениха уговаривала неосторожная невеста. Андрей молчал, видя, как беззвучно плачет когда-то дорогая ему женщина. Тот другой снял с него куртку, сбросил с плеч старую куртку, решительно повесил на крючок. В номере чисто и

по гостиничному уютно. Люба сняла мешковатую одежду, которая делала её неуклюжей и сутулой. Размотала шаль. Андрей увидел, что она стала другой — стройной и подтянутой. Исчезли угловатость и непропорциональная полнота. Он даже залюбовался фигурой. Люба суетливо выкладывала на стол из холодильника продукты, разворачивала свёртки.

— На два дня собралась. Думала, не продам. Брали хорошо. Даже сон накануне видела... Стыдно рассказывать. Открой вино. Запылилась. Пропотела. Весь день на жаре. — Люба метнулась в комнату с душем и раковиной.

Люба, Люба. Как был увлечён этой миленькой девочкой с грустными глазами. Не увлечён. Безответно любил, и боялся, как бы ни обидеть своим вниманием. Что теперь вспоминать?

— Разве ты не чувствовал, что я тебя любила? Но не могла этого сказать первой. Ждала, что насмелишься. Но ты только ел меня глазами. Как же так получилось, что мы расстались. Кто виноват? Думаю, что я. Нужно было сделать маленький шаг навстречу. Теперь я его делаю. Запоздалый шаг.

Ему иногда приходилось слышать и даже читать, что все женщины одинаковы, что одинаково устроены, что необязательно выпивать всё море, чтобы познать его вкус; даже если выпить воду с правого борта лодки, а потом попробовать с левого, как говорила небезызвестная Феврония, — никакой разницы не будет. Он теперь знает, как несхожи, как прекрасны в своей неповторимости два милых человека. «А другие? Они тоже чудесны в своей непохожести? Как это узнать. Нужно ли это знание ему? Дон-

Жуан был, оказывается, исследователем. Всю жизнь невольно изучал женщин, а, скорее всего, изучали они его».

Люба перевелась в школу рабочей молодёжи, работала в большой библиотеке. Он приходил за книгами, но видел её редко, так как никому не выдавала книг, а что-то делала в комнате, на двери которой висела табличка — «Комплектация». До самого закрытия сидел над журналами «Техника молодёжи», копируя схемы радиоприёмников, чтобы на несколько секунд увидеть, как она выходит из своей двери и спешит по коридору. Он провожал её до дома, следуя, как тень. Иногда встречал брат. Однажды вместо брата появился коренастый паренёк в чёрных брюках клеш. Люба несколько раз оглянулась, даже вырвала у парня свою руку, когда захотел прижать её к себе. Он больше не провожал Любу с работы. Но в воскресенье старался найти время, чтобы пройти мимо подъезда в десять часов. В это время они встречались глазами. Люба старательно трясла с сестрой дорожки, а он медленно шёл мимо, не останавливаясь, говорил: «Здравствуй, Люба». Шёл дальше по двору, мимо пятиэтажек, спортивной площадки, в магазин.

Сначала уехала куда-то. Встречи по воскресениям прекратились. Половики трясла её мама с младшей дочерью Евгенией. Уехали и родители. Нина Семёнова — подруга и соседка — вроде как не для него, но сказала девочкам на перемене, что Люба скоро выйдет замуж. Это было весной, наступали выпускные экзамены.

Андрей не обиделся на весь белый свет. Он желал — счастья Любе. ...Школьник. Что мог предложить? Ничего. Тупик. Отношения глубокие не могли развиваться, но они

могли бы вместе учиться в институте, вместе убегать в кино, брать недорогие билеты в театр. Могли бы снимать и комнату. ...Пробежало шесть лет. Обломки чувств сложить в целое невозможно по разным причинам. Он не станет их склеивать. У него обязанности, есть Оля. Скоро будет ребёнок. Всё прошло, исчезла и стёрлась острота чувств, но не забылись полностью, какие-то росточки прежнего, какие-то угольки ещё тлеют. На них нельзя лить воду, но не стоит и раздувать. Так он решил. Но как решила Люба?

— ...Позвони мне. Я номер запишу. Сейчас подменяю почтальонку. Временно. ...Позвонишь? Если тебе захочется встретиться. Я — приеду. Я тебе номер запишу. Только утром звони, в девять.

За стеной слышались голоса. Что-то бубнил мужчина, ему отвечали две девушки. Показалось, узнал голосок Оленьки. Только она может так заливисто смеяться.

Постучали. В раскрытой двери девушка в белом переднике, уродливым горбом выпирающем на груди. Она осмотрела стоящих у стола, задержала взгляд на Андрее. Спросила с улыбкой:

— Угостите крошечкой соли. — Помолчав, продолжила: — Первый день работаю. Соли нет...

Люба нашла соль в ящике тумбочки, подала девушке. Она опять огладила Андрея подкрашенными глазами и прикрыла дверь. ...Ошибся, зачем бы она пришла в гостиницу, ведь написала, что учится работать на кассовом аппарате в комке с какой-то вертучей Юлькой.

Д.

Старинные дома, наводившие на Андрея в первый год учёбы тоску, сегодня выглядели привлекательными. Ему часто представлялись идущие навстречу люди в древних картузах, жилетках. Они тут жили, радовались и надеялись на фарт. Многие поколения горожан спешили по этим улицам по своим делам, решать житейские проблемы и проблемки. Они смотрели на эти окна, крыши, на эту резьбу. Здесь жил прадед. Нашёл нишу, своё дело. Жил в труде, удовлетворяя спрос населения города, одевая его в добротные полушубки.

Андрей не узнает, чьи руки выкладывали стены, кто смотрел из этих окон на проходящие колонны демонстрантов. Никто не страдает оттого, что забыты фамилии мастеров. Живут себе люди. Спешат, суетятся. Радуются и грустят. Он сегодня нашёл работу, встретил свою милую девочку из детства. Изменил прекрасной Оленьке. Деньги сейчас вернёт Любе. Могла их сунуть ему в карман, когда уходил в душевую?

Люба сходила с крыльца. Увидев Андрея, резко остановилась. В сиреновом плаще, в коричневых полусапожках. Только теперь вспомнил её лицо, фигуру. Она не очень-то изменилась. Странно, почему на базаре не узнал?

— ...Пойдём, ты можешь не успеть в магазины. А деньги забери. ...Правда. Сегодня устроился на работу. Три зимы кочегарил, но моя жена запретила работать и сторожем комка. Снимаем комнату. Небольшая, но жить можно. Бери. Что ты плачешь? Прошло наше детство. Оно невероятно было счастливым.

— Ты опять так говоришь. Теперь поняла, что хорошо оно кончилось, наше детство. ...И поплакать нельзя? За-

чем ты женился? Глупо спрашивать. Зачем я замуж вышла? Значит, ты заботился обо мне?

Они подошли к магазину. Андрей почти насильно втолкнул пачку денег в карман плаща. Люба делала вид, что пытается сопротивляться. Ей хотелось, чтобы тот добрый мальчик из детства вновь коснулся её руки. Она его ни капельки не ревнует к этой жизни, к незнакомой жене. Зачем ревновать? Ведь они, как две параллельные прямые много лет не пересекались, а сегодня произошло нарушение закона геометрии, они не пересеклись, а сошлись вместе и помчались дальше, отдаляясь друг от друга...

— Мы больше не увидимся? — вздохнула Люба и тихо продекламировала: — «До свиданья мой первый мальчишка, ты не в чём, ты во всём виноват. А любовь у нас была с тобой не длинной, может, просто не дождалась мы любви», — она бросилась в магазин. — Но позвони. Хоть раз в год...

Приближалось время встречи с Ираидой Семёновой. Опаздывать не хотел. Предстояло избавиться от свиной головы. Андрей поехал домой, надеясь, что Оленька ждёт его, рассматривая покупки, а может, приехала с подругой или подругами и готовят ужин. С фруктами, значит, можно проститься. Юля никогда не станет есть одна, разделит с подругой булочку, яблоко. У них так заведено в семье. Всё всем поровну. Иногда Оля делит конфету с Андреем. Доходит до ссоры. Он отказывается. Она настаивает. Уговаривает. Он не соглашается, сердится. Каждому хочется, чтобы его слово было веским. Андрей не любит сладкое, хочет, чтобы конфету съела сладкоежка Оля.

Предлагает разделить засохший батончик. Если Андрей не уступит, то конфетные половинки будут лежать на столе долго. Обычно Андрей сдаётся, мир заключён, но Оля молчит, думая о чём-то своём, машинально перебирая какую-нибудь тесьму, пуговицы в коробке из-под чая.

Андрей хотел разрубить голову и поставить варить, но времени не было. Оля т не появлялась. Все продукты и покупки лежали на прежних местах. Он написал записку и заторопился на работу. Нашёл ли своё дело, свою нишу? Пока в услужении. Будет помогать бабушке ухаживать за аквариумными рыбками. Открыть магазин не сможет. Разводить рыбок ему негде. Буду слугой.

Вошёл в узкий коридорчик. Хозяйка вышла из кухни, предложила раздеться, указала на новые комнатные тапочки.

— Сифон в шкафу под аквариумом, сейчас доглажу спецовку. Вода неделю отстаивается, — сказала Ираида Семёновна так, словно они только что обговорили план работы

Андрей шагнул в зал, осмотрел огромные аквариумы. Предстояла генеральная чистка. Стенки заросли микроводорослями, на дне скопилось много грязи. За вечер не успеет закончить уборку трёх ящиков. «Что нужно сделать в первую очередь? — думал Листовский, вынимая жёлтые шланги, воронки, фильтры. — Если добавлять воду, то сначала проверить мягкость. Старая вода может быть очень жёсткой, а это вредно для развития рыб. Придётся менять, если жёсткость окажется высокой. Как же проверить? Забыл. Нужна лакмусовая бумага. ...Тебе пора почитывать книжки. Водопроводная вода содержит много железа.

Попытаюсь найти болотце, родник с мягкой водой. Переговорю на базаре с рыбоведами. Должен быть какой-то прибор. Как он называется. Забыл».

Женщина положила на спинку кресла джинсовый костюм, от которого пахло нагретой материей. «Джинсу не гладят, вроде. — Подумал Андрей. — По привычке. Мой костюмчик стар. Женщина хочет, чтобы я выглядел несколько достойно».

— Переодевайся. С машиной придётся возиться. Зачем пачкать одежду.

— Дорогая спецовка. Проще будет, если я принесу свой комбинезон, в котором работаю на рынке, на разгрузке овощей.

— Как тебе удобно. — Ираида Семёновна развела руками, поняв оплошность. Он сообразил. Придётся показываться на людях. Знакомые отметят, что водитель, помощник, друг семьи носит потрёпанную одежду. Значит, должен выглядеть элегантно, под стать хозяйки. — Примерь спецодежду. Вдруг что-то окажется не по размеру. Дочь подошёт. ...Два года не убирала. Накопилось много мусора.

Он вышел в коридор. Тёплая ткань унижала. «Ливрея у швейцара, спецовка у слесаря. Дорогой костюм не походил ни на что. «Царский подарок тянул на дно» — кажется, так было написано в книге «Ермак». Привыкну. Выбирать не приходится. Я — работаю. Труд оплачивается».

Андрей чувствовал себя неловко в костюме. Ему казалось, что потерял свободу. Будто бы стал домашним слугой. Пытался убедить себя в том, что женщина права. Кос-

твом ветхий, и спецовка нужна. Не такая дорогая. Это для твоих доходов дорогая, а для ответственного работника фирмы — раз плюнуть, — убеждал себя, удаляя донную грязь.

— Предлагаю убрать часть... стрелолиста. — Андрей забыл название разросшегося в центре растения. — Его много.

— Полагаюсь на ваш вкус. Согласна. Всё требует внимания и заботы. Я давно не занимаюсь ими.

— Вы знаете, подзабыл немного. Почитаю, освежу в памяти. Это не стрелолист.

— Не важно, Андрей. Ты высокий, а я однажды чуть не упала. Испугалась. Непросто из аквариума выбраться. Утонуть могла. Пойду, кормушки помою под краном.

— В этом аквариуме большинство самок набрали икру. Данио и барбусов можно отсаживать.

— Садки раздала ребятишкам. Да и зачем мне маленькие? Мальки ухода требуют. Как муж умер, так всё стареет. Выловлю, вздохну, ...Обновлять надо. Я — в разъездах. Если хочешь, занимайся. Заменяй старых рыбок на молодых, а лишних — сдай в зоомагазин. Бывший директор мужа знал, часто звонил, если появлялась какая новая редкая рыбка. И сам Пётр часто из командировок привозил какой-нибудь симпатичный экземпляр. Здесь его дневники. Захочешь, почитай. Он всё записывал — Точно и аккуратно. Такой во всём. Просто любитель. Пытался вывести новый уникальный вид. То какую-то шалевую гуппи искал, то пецилии скрещивал. Соберутся человек пять, и битый час сидят, наблюдают. Смешно. Взрослые дяди, а о каком-нибудь меченосце столько споров, столько

эмоций.

— Мне это знакомо, — сказал Андрей, — Как приезжаю домой, первым делом — к аквариуму. Сестра обижается.

— Вы тоже фанат? Знаю, что сейчас рыбоводы деньги делают на своих питомцах. Поднялась стоимость. Если хочешь, заняться разведением, не запрещаю. Только никого не води к нам. Согласен?

— Согласен, — неуверенно сказал Андрей, очищая стёкла. — Не один месяц нужно, чтобы отладить разведение того, что имеет спрос. Сегодня гулял по базару. Всё те же рыбки, что были десять лет назад. Купил немного дафний. Их можно насыпать в воду. Банка подойдёт пятилитровая.

— Неужели, какие-то особи оживут? — женщина удивилась, пошла на кухню за банкой.

— Да. Когда в озёрках вода станет тёплой, буду ловить свежих мормышей, дафний, циклопов. Это к концу мая обычно бывает.

— Пётр какой-то микрокорм разводил на толокне. Помню. Аквариумы для меня — только память. Один можно оставить. Пётр получал дипломы за рыбок. Общество было аквариумистов. Я — только воду доливаю. Кормлю. Случается в последнее время, что забывать стала.

Андрея не стесняла новая одежда. Работа увлекла. Работа привычная. Рыбками стал заниматься лишь потому, что видел, как Люба ходила на канал ловить дафний. Можно было подойти и заговорить о рыбках. Рыбоводы — молодые и старые — общались свободно, делились опытом и рыбками, растениями и книгами. Но не подошел,

мешала робость.

Отец как-то принёс алюминиевые уголки, видя серьёзное отношение сына к рыбозабавлению. Они пилили, клепали каркас, резали стёкла, замешивали замазку. Андрей учился работать инструментом. Когда потребовался компрессор для аэрации воды, собрал простенький прибор. Однажды отремонтировал бабкин уют. Ему доверила тётя заглянуть в пылесос, который не хотел чистить ковёр. Сосед рассказал и показал, как «убедить» холодильник, чтобы, выдавая холод. Однажды Андрей спалил тётину радиолу, пытаясь на авось восстановить радиоприёмник. Пришлось брать книги по радиотехнике, разбираться в омах и фарадах.

Появилась мода на самодельные транзисторные приёмники. Схемы были на вес золота. Журналы «Юный техник», «Моделист конструктор», «Знание — Сила» исчезали в библиотеках с космической скоростью. Первый радиоприёмник Андрей собрал в мыльнице.

Радиохулиганом не стал. Хотя мог. Вовремя остановился. Друзья делали приставки к радиоприёмникам, выходили в эфир, запуская любимые песни, переговаривались. Пеленговали нарушителей, наказывали. Андрей и его приятель Сергей написали свою азбуку, заимствовав у художника Морзе принцип точек и тире. Примитивные телеграфные аппараты рисовали точки и тире не на лентах серпантина, а на грампластинке из журнала «Кругозор». Голубоватая пластинка вращалась, иголка следовала по бороздке, а электромагнит с сердечником, к которому прикреплялась авторучка, приняв сигнал, чертил короткую линию или очень короткую. Телеграмма записывалась по

спирали. Но в эфир друзья не засоряли. Использовали провод радиолинии. А вторым проводом служил водопровод.

Сергей поступил в училище связи. Скоро станет офицером.

— Надо ужин сочинить. Дочь обещала зайти. Как относишься к отбивным?

— Жую всё, что жуётся. Хотелось бы закончить чистку сегодня, но не успеваю.

— Нас никто не гонит.

— Ванна водой занята. Неудобно. Утром приеду. Попробую добыть садок на базаре. Растения сдам в зоомагазин. Не пропадать им.

— Завтра закончишь. С Викторией можете съездить в гараж. Тут недалеко. Посмотришь, что нужно купить, чтобы оживить наше транспортное средство. Будешь ездить по доверенности. Можно купить новую машину — импортную. Если будет желание иметь автомобиль, продам в рассрочку.

— Откуда у студента деньги? — удивился Андрей.

— Заработает. Это не сложно. Помогу.

«Бесплатный сыр давно хранится в мышеловках. — подумал Листовский. — Придётся чем-то платить. Как-то рассчитывать».

Пришла молодая премиленькая женщина, представилась, и ушла на кухню. Андрей доливал аквариумы. Постелил газету, собрал пыль с поверхности, начал лить воду из пластмассовой лейки. Дёмочка сидел в кресле и следил за Андреем. Небольшая комната наполнилась запахами растений. Он спешил. «Оля будет голодной ждать его.

Шестой час. Если остаться на ужин, то домой попадёт к девяти. Смотрины сегодня, — думал Андрей — Хорошо бы отказаться от ужина, проявить настойчивость. Я теперь слуга, домработница. Нужно подчиняться».

Пили сухое вино, жевали пережаренное мясо. «Как-нибудь сделаю шашлык. А Виктория — симпатичная девочка. Вопросов не задаёт. Не жеманится. Нормальные тётки. Не ставят из себя принцесс на горохе.

— Мама, дай что-нибудь посущественнее. Поишь Андрея и меня кислой водичкой. У меня тяжёлый день. Упарилась с балансовым отчётом, компьютер обиделся на меня. Зависал, как ненормальный. Издёргалась, как пиявка на палочке. — Женщина улыбалась приветливо. Её овальное чуть курносое лицо излучало энергию. Красивой не было, но всё пропорционально — и глаза, и губы, и брови. Короткая, как у матери причёска, тонкая шея, узкие плечи. Говорили женщины спокойно и ровно, без кокетства и высокомерия. Казалось, что знакомы давно, что вот так часто сидят и ненавязчиво общаются после трудового дня.

— Ладно, пошла я, — сказала Ираида Семёновна. — Мальчик проснётся, а тебя нет. Надо разбудить и привести. Бросила одного ребёнка.

— Мама, я — на минутку. Посиди. Парню шесть лет, а если и проснётся, то позвонит. ...Уснул. Во дворе с ним в футбол играли. Набегался.

— Угощай Андрея. Будь, как дома. Впрочем, не забывай, что в гостях.

— Не уходи. Объясни, в чём соль твоих намёков.

Андрей ощущал заботливое внимание, ему стало легко, новый костюм перестал давить на плечи. Процесс

знакомства интересен, а ссоры будут потом, разногласия возникают у близких знакомых, а пока они открывают друг друга, привыкают к вкусам и привычкам.

Андрей отказался от водки. Сказал, что завтра сдавать зачёт. После сдачи, приедет расправляться с третьим аквариумом.

— Папа умер, а мама сделал ему вот такой памятник. Изводит себя. Я рада, ты появился у нас. Я своего пропёрла в прошлом году. Начал вещи носить из дома и пропивать. Был приличный инженер. Не выдержал перестроечного ускорения. Рыночные отношения не для него. Не захотел работать каждый день. Что зарабатывал, то пропивал с подружками. Домой стал водить. Грустная история. Живёт у какой-то женщины. Караулит её. Она в Турцию ездит за шубами. Иногда приезжает к ребёнку. С подарками. Трезвый. Не всё потерял хорошее.

У порога, когда Андрей застёгивал пуговицы на куртке, Виктория приобняла его. Он не знал, что делать. Оттолкнуть не мог, но и ответить на ласку не было сил и желания. Женщина уткнулась в плечо и тихо проговорила:

— Значит, завтра. — поправила воротник, откачнулась, рассматривая лицо, подала бумажку. — Вот мой номер телефона. Позвони. Я в следующем доме живу. Это вот мама оставила на аккумулятор. Возьмёшь такси, поедем в гаражи.

Андрей деньги пересчитал. Отдал половину.

— Тут на три хватит. Аккумулятора...

— Пусть больше, за работу аванс, так сказать.

Он хотел отказаться, ведь аванс получил. Костюм-спецовку справили. Что ещё? Мать и дочь будут платить

одновременно. Странно. Гордым быть легко, когда богат и независим. Нищий гордец жалок. Он жрёт овсянку, наблюдая, как жена штопает разовые колготки. Не может ей сказать, что получит деньги и купит ей сто пар колготок. Потому что не получит и не купит. Потому что он — никто. Пустое место. Ничего не значит ни для других, ни для себя. Сегодня продавал себя. Я — товар.

Андрей сидел в полупустом вагоне трамвая и вспоминал события дня. Оказывается, ещё любит ту девочку. Её нет. Она рождена им самим. Это его воображение. Фантом. Мираж. Призрак. Люба — обыкновенная, как говорится, простая земная, смертная, а та существует лишь в его сознании. Он её сочинил и раскрасил. Она — его изобретение. Она умрёт вместе с ним. Они разные. Тот — ребёнок, подросток, юноша и сегодняшний молодой человек, связавший себя узами Гименея. Скоро придёт очень важная проблема. Ему предстоит стать отцом. Ответственность двойная. Он её не боится. Можно отправить Олю к маме. Он станет приезжать по выходным. Его ребёнок начнёт жить, редко видя его. В комнате зимой холодно. Значит, нужно купить масляный обогреватель. Ребёнку нельзя простывать. Эти шуршащие перегородки уберёт и сделает настоящую перегородку из боковин старых шифоньеров. Будет дверь, будет крохотная кухня. Коляску почти новую видел у соседей в сарае, кровать придётся покупать, или сделать. Что ещё? Пелёнки, распашонки Оля нашёт. Подогреватель молочной смеси. Он обязательно понадобится. У тёти был. Скоро поедут к его родителям, не забыть бы, спросить.

Ж.

Оленька встретила его радостным воплем. Обнимая, целуя, приговаривала, кривя губы:

— Жду тебя, жду. На улице ночь, а тебя нет. Я боюсь одна. Беспокоюсь. Где ты был? ...Я не читала записку. Немного поела. ...А это всё нам?

— Кому? Режь ананас, вот бананы. ...Сидела и смотрела на фрукты? Примерь рубашку.

— Я думала это нужно передать кому-то. ...И колготки мне? Модные какие. Ты заработал сегодня? Только не шути.

— Порублю свиную голову, будем варить тушёнку или зельц. Что у нас получится. ...Всё тебе расскажу.

Андрей достал из-под стола зазубренный топор, которым рубил кости, надел шапку и вышел в сени. Оля тоже начала собираться. Взяла большую кастрюлю.

— Андрейка, там конфет каких-нибудь не попало? ...Я не заглянула в холодильник. Колбаса такая вкусная.

— Что врач сказал?

— Врач-то? ...Врач сказал, что будет девочка.

— А если честно? Мальчик? ...Иди. Тут холодно. Кости летят, — голова не хотела разрубаться. Лезвие топора, попадая на свинячьи зубы, металлически звякало. Андрей варил тушёнку. Они её ели с хлебом, добавляли в пакетные супы, в отварные макароны и жареную картошку. Обычно он обрезал уши, щёки, удалял сало, а сегодня времени мало. Иногда Оля делала холодец, но чаще крутили на мясорубке мясо, определяли в мешок из марли и, положив в таз, накрывали разделочной доской, придавливали двухпудовой гирей. Утром угощали друг друга. Зельц был жир-

ным, Оля почти не ела, угощала подруг.

Андрей не разрешил мыть куски головы, сказав, что вода холодная, ей нужно себя поберечь. Достал плитку шоколада, который нежнее шёлка Оленька вскрикнула от радости, принялась делить.

— Завтра купим мяса и настряпаем котлет, пирогов. Чего ты хочешь? ...Работа обыкновенная. Не пыльная. Буду ухаживать за рыбками, разводить, сдавать в зоомагазин. За какими? Обыкновенными. Аквариумными. Есть и золотые, и чёрные и полосатые. Есть усатые гурами, есть светящиеся — неоновые...

— Это не трудно, ухаживать? Они исполняют сколько желаний? Три. Как обычно? Они исполнили несколько твоих желаний? Это не золотые рыбки, это ты их исполняешь. Спасибо. Я тоже буду работать. В комке посменно. Пока можно. Заживём. Только сейчас заметила костюм. Тебе не в чем на лекции ходить. Ты правильно сделал. Дорогой?

Андрей хотел сказать, что это его спецодежда, но раздумал.

— Завтра купим куртку и туфли. Работать буду я. Ты будешь наш очаг поддерживать, учить уроки. Осталось два года. ...Не забыл. Досрочно сдадим. Практика. Практика будет.

Оля не стала спорить с мужем, занялась ананасом. Андрей поставил большую алюминиевую кастрюлю на газовую плиту. Надеюсь уменьшить огонь, когда вода закипит. Оля достала из стола баночки со специями, приготовила перец, лавровый лист, укроп, взялась чистить чеснок. Андрей разрезал ананас, начал мыть морковь и свёклу.

— Сейчас салатик сделаю, а на утро винегрет будет. Ешь ананасы, колбасу жуй. Не нравится? Не халтурь. Вам нужны витамины, дорогая моя жена. В какой мы были консультации?

— В женской, — обезоруживающе улыбнулась Оленька. — Ты меня искал, чтобы сказать о колготках? Я ходила не в нашу консультацию, а в другую, что около общаги, я там стою на учёте. ...Просто тётка знакомая работает. Меня знает. Я её знаю. Заходила в прошлом году. Нас всех посылали. Проверяли. ...Как лошадей. В группе у нас двух девочек нашли.

— Ты и вертучая Юлька?

— Не угадал. Я и... классная дама. Такие дела. Как в анекдоте. Шутка. Зачем мне учиться, если я не смогу курс закончить, а потом снова. Куплю тебе шапку и ботинки к зиме. Мне за рождение ребёнка выплатят деньги. Мне объяснили. Пособие. Юлька говорит, что зимние вещи нужно покупать летом, а летние вещи — зимой. Торговала я сегодня. На контрольно кассовой машине отбивала покупателям чеки. Знаешь, как строго, Андрейка. С ума сойти. Если чек не отдашь, но отобьёшь, то знаешь какой штраф? — Оля очищала банан посмотрела на Андрея округлившимися глазами, и покачала головой, — Обалденный. ...Если не отобьёшь и не отдашь, штраф ещё больше в сто раз. Представляешь. Юльке сегодня пацаны фальшивую купюру подсунули. Она подержала её в руке и говорит, мол, нет сдачи, разменяйте, пожалуйста. Парни захохотали и пошли в другой комок. Юлька показала мне фальшивку, говорит, щупай, чтобы пальцы привыкали распознавать сразу подделку. Столько денег подделывают. Тебе не дали на сдачу?

Сменщицу, что раньше работала, накололи. Она хотела её сбросить, но её чуть не арестовали ревизоры из налоговой.

— Зачем бросать? Сок пей. Шоколад мне вреден.

— Сбросить — значит подсунуть на сдачу. — Оля примерила колготки, сняла байковый халатик из кусков ткани, которые однажды принёс Андрей после разгрузки отходов швейной фабрики, забралась в ночную рубашку. — Чего я такая маленькая? Обрежу завтра. По полу не должна ведь волочиться. Подошью. Будет клёво. Ты у меня самый... Сижу я в комке на ящике, думаю, что колготки расползлись вдрызг. ...Эти моднючие. Где ты их оторвал? Ты сегодня, правда, как миллионер? Эти рыбки, в самом деле, волшебные. ...Нас в армию заберут на год сразу после института или после отработки?

— Получил аванс. Испытательный срок дали. ...Кто нас заберёт, если у нас ребёнок? Пей сок. Давай колбасу отварим, разогреем твоё варево. Проголодался, кажется, хотя и ел, вино пил. Смотрины были. Соблазняли коньяком, пугали водкой, но...

— Ты у меня стойкий. Никто тебя не соблазнит. Эти рыбки. Как ты за ними ухаживал? ...От костюма классными духами пахнет, — Оля прижалась к пиджаку щекой, в который переоделся Андрей. — Мощные духи. Не убогие. Японские. ...Не спорьте со мной. Я хорошо помню этот запах.

— Наверно, в автобусе или в трамвае подцепил. Какие ты хочешь духи? ...Завтра. Намекни, а я куплю. Пойдём вместе. Давай тебе перстень купим с камнем.

— Без перстня у нас много прорех. Тебе нужны кроссовки. Я — обойдусь. Ты среди своих рыбок должен вы-

глядеть путём.

— Ираида Семёновна разрешила нам жить в её квартире, когда уедет в командировку. Предложила купить у неё в рассрочку «Жигулёнок». Ты как? Буду я тебя возить в консультацию, на природу. ...Есть права, в школе получил. Гараж построим.

— Не хочу спать на чужой постели. Примета плохая. Смеётся ещё. Правда. Посмотрим, но подушки и простыни возьмём свои.

— В комке тебе придётся таскать ящики. Так? Ну, так или не так? Это тебе вредно. Беречь себя надо. Покажи руку. Что у нас такое?

— Сдавала анализы. У меня вены мелкие. Вот и расковыряла тётка. Я — не вру. Почему ты мне совсем ни капельки не веришь сегодня? ...Какой вкусный ананас. Както пробовала мороженный, но не понравился. Откуси. Может, ты пошутил? Это не нам. А куда будем машину ставить? В сенки или в сарай?

— Больше никаких анализов. А кто сдаёт кровь на анализы, тому, что дают? Баночки с тресковой печенью? Думай о ребёнке. Кровью не раскидывайся.

— Ну, не сердись, миленький ты мой. Не буду. Только и ты не таскай чемоданы на вокзале. Честное слово? ...Вся группа пошла и я с ними.

— Юлька знает, что тебе нельзя сдавать кровь. Почему не отговорила?

— Она давно не ходит на лекции. У неё новый парень. Он ей такое делает, что она отрубается от кайфа. Я тоже хочу отрубаться.

Андрей вдруг понял, что его неприятно задевают

эти глупые разговоры жены. Безответственная какая-то. Говоришь одно и то же, просишь, чтобы не покупала ненужных продуктов, не имеющих практического значения сувениров. Как только у неё появляются деньги, так она прилагает все силы, чтобы от них избавиться. Молодая. Недавно исполнилось восемнадцать. Ребёнок сделает её нервной и крикливой. Нужен он ей?

— И от куртки у тебя запах духов. ...Ничего не кажется. — Оленька отложила дольку ананаса и внимательно посмотрела на мужа.

— От твоей кофты вообще махоркой несёт. Что теперь нам делать? — полушутливо спросил Андрей. Лицо девушки отуманилось, исчезла счастливая улыбка, потухли глаза.

— Мы в комке... с утра... Спроси у Юльки. Сходила в консультацию. Потом работали. Я — цены заучивала, помогала ей. Она курит, как собака. Говорила ей...

Андрей молчал. Взялся чистить колбасу. Тонкая кожа рвалась. Он решил её отварить. Молчание длилось долго. Закипела вода в маленькой кастрюле. Андрей положил морковь и свёклу. Оля подошла, погладила его по плечу, потом по щеке, приподнявшись на цыпочках, обняла за шею и, уткнувшись в плечо, заплакала горько и безутешно.

— Буду учиться! Буду! Буду! Никогда не стану сдавать кровь. Я хочу тебе помочь. Ты во сне говоришь о бутылках, о вокзале. Кто тебе поможет? Кто? Ты у меня один. Вижу, как тебе тяжело. Я понимаю, ты отвечаешь за нас. а я никчёмная и пустая неумеха. Мне даже стыдно брать деньги за шитьё с подруг. Мне стыдно, когда они голодные, а я утром наелась пшённой каши. Понимаю, что

им лень варить. Они получают деньги из дома, накупят вафель, дорогих конфет, сходят в кафе. И всё. Я — тоже такая. Одна из них. Но я стану другой — жадной и расчётливой, никому не буду помогать, не буду звать на ужин. Я буду копить деньги, — она говорила сквозь рыдания, потом отстранилась, села за стол, уронив голову на руки. Её угловатые плечики вздрагивали. На спине, под новой рубашкой просматривались позвонки.

«Это не она, не её голос слышал в гостинице, — подумал Андрей, понимая, что спроси о гостинице, скажет правду, а он не хотел этой правды. — Она была в комке с Вертучей Юлькой». Взял её на руки и принялся носить, как больного ребёнка. Шелестело грубое полотно, когда она задевала ногами «косяки дверей». Большой театральный задник или декорация был в нескольких местах продрян, и ткань пришлось зашивать, подклеивать на дырки картинки из журналов. Художник изобразил четыре сосны и огромное хлебное поле, уходящее к горизонту. Это не были сосны, написанные Шишкиным, но чем-то напоминали известную картину.

— Ты сегодня какой-то чужой, — вдруг горько сказала она. — Ты подумал, что я тебе лишняя.

— Что ты, глупышечка, моя? Как ты могла такое придумать. Лишняя? Глупость. Я решил убрать эти наши шелестящие стены, а сделать перегородку из деревоплиты, чтобы у малыша была детская комната, начну кровать собирать, а коляску прогулочную видел в сарае у тёти Зои. Ей не пригодится.

— Ты какой-то другой. Я это сразу поняла, как только ты вошел в сенки. ...Поставь меня, нужно помыть банки

под тушёнку. ...У тебя рука не пролезает.

— Ёршиком.

— Буду крошить винегрет.

— Не забыть бы подогреватель питания взять у тётки.

Подумал, сегодня, что нужно снять комнату. Другую. Здесь сыро и холодно. Дочь Ираиды Семёновны сказала, что у них есть однокомнатная квартира. Раньше жила в ней бабушка. Она умерла. ...Будут сдавать. За умеренную плату. Переедем? Эти дома долго не будут сносить. Прописку оставим. ...Она пообещала взять меня в свою фирму на лето...

— Как хочешь.

— Завтра поедем и посмотрим квартиру и машину.

Наш ребёнок должен жить в нормальных условиях.

— Почему ты решил, что это твой ребёнок? — вдруг спросила Оля, поджав губы.

— Какая разница? Мой. Наш... Главное — твой.

— Тебе разве не рассказывал Мишка обо мне? Ничего?

— Нет. А что рассказывать?

— А то. ...Шалава — я! Шлюха! Всё тебе вру, а ты веришь. Блаженный. Кормишь меня, одеваешь, заботишься. А я — трахаюсь со всеми... подряд. И с твоим Мишкой в прошлом году. Глаза-то разуй. Святая простота. Ни в какой загс завтра не пойду, чтобы не ломать тебе жизнь. Никакого ребёнка не будет. Не твой он. От армянина одного. Преподавателя. Честно. Залетела я, дурища, когда...

— Не плачь. Что было, то прошло. Если и что было, то это забыть пора. И это не считается. Нечего наговаривать на мою Оленьку. Не верю. И никому не поверю. За-

помни. Не обижай её.

— Прости меня. Плету от обиды всякую гадость. Ты сегодня другой. Очуждевший... Хотела проверить, как ты будешь реагировать, если узнаешь, что я не такая уж и хорошая. ...Ты прав. Я была девочкой, но это ничего не меняет. Глупый, глупый, ты мой. Какой же ты ещё ребёнок. Непорочное зачатие — несложный фокус. Простишь меня? — вдруг сурово спросила Оля.

— Ну? В смысле — да.

— Я первая спросила?

— Тебе не стоит просить прощения. Если ты и виновата, то это лишь потому, что я что-то недоучёл, в чем-то тебе не помог.

— Святой. Давай начнём спать. ...Пусть варится. Я встану и выключу газ, сниму мясо и уложу в банки.

Оленька уснула сразу, после того, как проверила, кипит ли варево в кастрюле. Андрей тихо встал, взял конспект и, включив, настольную лампу, принялся повторять формулу теплового баланса. Он убавил подачу газа, попробовал ножом мясо. Шёл второй час. За стеной бубнил телевизор, доносились взрывы и пальба. Гипнотически булькала вода. Формула стала превращаться в аквариумные растения. Золотые рыбки резвились между стеблями людвигии и кабомбы.

— Загадай желание, — потребовала старшая рыбка.

— Мы его выполним, — настойчиво подтвердили две других, сверкающих радужной чешуёй.

Отделяваясь от назойливых рыбёшек, Андрей, думая о вероятном исполнении желаний, медленно выныривал из сказочного сна, проплывал мимо изумрудных рас-

тений. Стрелолист. Кабомба. Людвигия. Вдруг валлиснерия протянула длинные стебли, и стала душить. Он нехотя сопротивлялся, пытаясь выскочить из воды. Дышать нечем. Но в рот вода не заливалась. Это удивляло. С большим трудом удалось проснуться. Голова, казалось, стянута тугим обручем, разрывалась от боли, а желудок бунтовал; тошнило. Это удивило и тревожно насторожило. Увидел в липком полумраке, что ручка-регулятор плиты нагло указывает, что открыта на полную катушку, но зелёно-голубого пламени под кастрюлей нет. Рычаг крана на газовой трубе указывал на то, что не выключен. Пламя не могло погаснуть. Бульон не должен был выплёскиваться, следил, чтобы кипение было слабым. Кто это сделал? Кто захотел нас отравить?

Листовский тихо переживал удушливый страх. Старался придти в себя.

Андрей испугался. Как это произошло? Кто включил газ, повернув рукоятку до отказа? У него хватило сил закрыть газ. Как пахнет! С трудом добрался до двери. Его шатало из стороны в сторону, как пьяного. Андрей держался за стену, едва передвигая дрожащие ноги. Оборвал полку. Если бы ни рыбки, если бы ни сон. Они бы отравились.

«Зачем ей это было нужно?» — спросил отрешённо себя, когда удалось поднять из кольца большой дверной крючок. Ватные тело не слушалось. Несколько раз слабой рукой толкал дверь. Примерзала в большие морозы. «...Значит, посторонних в комнате не было», — наваливаясь плечом, подумал, падая в сени. Отлежавшись, набрался сил, и ползком поспешил в комнатку.

Руки у Оленьки болтались, как у тряпичной куклы. Он стянул её с кровати, поволок к двери, не чувствуя холода. Хотел положить на тахту, но не смог. Голова Оленькина неестественно подвернулась. «Искусственное дыхание, — подумал в последнюю секунду Андрей Листовский. — Нужно срочно спасти её...»

Их нашли соседи через два часа.

Андрея выписали на второй день. Он успел сдать экзамен. Вечерами приходил в палату. Олю не выписывали. Она сутки пролежала в реанимации. Когда приходил, приносил апельсины и шоколад, который нежнее шёлка. Оля закрывала глаза и держала его руку. Он видел, как из-под её ресниц вытекают слёзы. Ничего не спрашивал. Привёз новую куртку и туфли, новое платье и её любимый берет. Через два дня попросила привезти косметичку, паспорт.

— Следователь к тебе приходил? ...Меня тоже допрашивал.

— Я сказал, что вода выплеснулась и погасила газ.

Оленька серьёзно мерила вещи и грустно его целовала, когда стояли на лестнице, в тамбуре.

— Завтра в десять выпишут. А где наша машинка? Хочу посмотреть.

— Завтра приеду за тобой. Она новая, можно сказать. Ещё прослужит нам лет пять. Потом её продадим, а купим себе другую. Квартиру я смотрел. Однокомнатная, но большая. На Маштаке.

— А мебель есть? Хочу посмотреть. Из дядиной

квартиры мы не будем выписываться. Вдруг будут сносить... Не простыну я. Почему ты меня гонишь? ...Не слабенькая. Уже выздоровела.

Андрей хотел спросить о том, кто же не выключил газ, кто захотел их отравить, но понимал, что это сделала она, его милая женушка. Зачем? Она знает ответ. А вот скажет или нет. Андрей уверен, что не скажет. Он не будет спрашивать. Пройдёт время и она расскажет, что же случилось ночью. Она мстила за Любу, или захотела умереть в один час. Может быть, Оля видела их у гостиницы, у магазина. Слепая ревность?

— Наша девочка не пострадала? — во второй раз спросил Андрей, обнимая Оленьку за плечи. — Что врач говорит?

— Не пострадала. — Сухо произнесла девушка, и её лицо накрыло грустной тенью. — Что нам доспееется. Всё в порядке. Проверили на аппарате, не волнуйтесь, папаша, — Оля попыталась улыбнуться, но улыбка вышла нервной гримасой. Оля тотчас прижалась к нему, пряча лицо. Через секунду вновь была весела и непринужденно угощала его бананом.

Листовский съездил в институт, уточнил расписание последнего экзамена. Увидел стоящую у входа Валю Сокольникову.

— Как Ольга? Её выписывают? — грустно спросила, останавливаясь у автомобиля. Андрей удивился. О странном событии знали её подруги.

— Еду за ней. В десять часов, сказала, будет обход. Поехали, — сказал Листовский, открывая замок.

— Валя, просьба будет. Помоги. Я плавки не купил. Забыл. Выбери. ...Не стесняюсь, но ты лучше знаешь, не запутаешься с размером. Сейчас ещё не лето. Куртку купил, туфли раньше подсматривали. Ей понравились.

Андрей проехал по мосту через Урайку, намереваясь припарковаться поближе к ЦУМу, но не «пускали» запрещающие знаки. Высадил девушку на автобусной остановке. Покружившись, въехал во двор. Магазин только открылся. Продавцы подправляли выкладки на витринах. Отыскал Сокольникову в отделе женского белья.

— Вот ещё деньги. Бери. Купи что-нибудь себе. Самое модное и самое практичное...

— Так не бывает, — улыбнулась Валя. — Ты выиграл? Или... получил наследство?

— Нашёл работу. Случайно. Подвернулась. Почти что выиграл.

В больницу Сокольникова не пошла. Осталась в машине. Что-то говорила о запахах. Андрей посмотрел на часы. Шло время обхода. В отделение его не пустила строгая пожилая женщина. Узнав, к кому пришёл, засуетилась, зашла за стойку и хмуро положила перед ним бумажный треугольник с синеватыми клеточками. Ровными буквами шла надпись. Её почёрк. Оленькин. Прочитал, удивляясь: «Передать Андрею Листовскому. Лично». Странно, зачем это письмо? Что случилось. Где она? Догадывался — что-то произошло такое, отчего его жизнь изменится. Как стеклянный аквариум с рыбками нёс письмо к двери, хотя мог прочитать сразу, у серого барьера. Во двор

въезжал фургон с красной полосой и «плюсиком» на фаре. Андрей стоял на бетонном крыльце. На крыше противоположного дома, у трубы лежал кусок чёрного снега.

«Дорогой мой Андрюшенька, прощай.

Я недостойна тебя. Не могу жить так дальше. Поэтому уезжаю. Раз не смогла умереть. Я гадкая и подлая. Ты обо мне заботился, а тебя я обманывала. Ребёнок был, но не твой. Теперь его нет. Прости за всё. Я хотела нас убить, чтобы не расставаться с тобой никогда, потому что ты такой хороший, а я, как стерва последняя в мире. Я никогда (зачёркнуто) не смогу себя простить за всё, что я делала тебе гадского и плохого. Как только я тебя вижу, меня ест совесть за то, что я такая потаскуха, видеть тебя мне стало очень трудно, хотя я тебя всеравно люблю и никогда не забуду. Мне всегда (зачёркнуто) радостно бывает, потому что я тебя встретила в общаге. Тебе надо жениться тогда на Вальке, потому, что она хорошая и верная будет тебе. Потому что она давно тобой увлечена. Живи с ней дружно иногда вспоминайте меня иногда. Или с той девушкой, с которой в гостиницы обедал. Я всё это решила ночью сегодня, когда ты сказал о квартире. Спасибо за всё моё счастье, которого у меня больше ни будет в жизни такого. С грустным приветом. Твоя Ольга».

Андрей сунул письмо в карман куртки и вдруг почувствовал сонливость. Его клонило в сон, будто

отработал в кочегарке три ночи подряд. Он, сходя со ступеней, начал зевать, прикрывая рот. Пересиливая подступившее чувство сна, шёл к машине, которая не радовала. Так хотел, чтобы Оленька восторженно высовывала руку из окна и счастливо заливалась своим стеклянным смехом, словно крохотный колокольчик. ...Не знал, что делать. Ему казалось, что потерял нечто очень дорогое, огромное и чудесное. Его лишили цели в жизни. Не о ком заботиться, некуда спешить с заработанными копейками, дешёвыми подарками... Никто не будет так бурно восторгаться, когда вдруг заработает притащенный с помойки огромный телевизор. Не будет ждать его с работы, волнуясь и горюя, у закутанной в полотенце кастрюльки с раскисшей лапшой. Этого ничего не будет никогда в его бестолковой жизни.

Значит, она видела меня с Любой. ...Видела Вертучая Юлька. Рассказала ей. Где-то встречались, меня запомнила. А может быть, когда к ним приходила, но он не запомнил её. Не запомнил? Такую девушку невозможно не запомнить.

Валентина молчала. Смотрела в окно на ссопившихся из-за хлебной корки воробьёв. Андрей швырнул магазинный пакет на заднее сиденье. Весеннее солнце пригревало город основательно. Зелёная дымка окутывала улицы, парки. Зазвенел звонок трамвая, заскрежетали на повороте колеса. Раззолочённые купола Воскресенского собора на высоком обрыве у Белого озера степенно сияли новогодними игрушками. Басовитый гудок белого теплохода вынесло из-за нового здания речного вокзала; эхо растя-

нуло его над Обью, налепило на сосны на противоположном берегу, прятавших Городок, в котором когда-то была летняя резиденция принца Таяна и его принцессы.

Валентина прочитала письмо, и опечалилась, раздумывая.

— Ты поверил этой брехушке? Надо так на себя наговорить. ...Что молчишь?

— Что говорить? Открыла кран...

— Полусонная была. Перепутала! А ты что подумал? Расстроенная. Так и ничего не сказала тебе? Что? ...То. Опухоль нашли у неё.

— Опухоль? Рак? ...Сказала, что беременна.

— Нужна операция. Деньги большие стоят. ...Много. Не захотела тебя напрягать. Написала на себя вздор, решила, что ты согласишься. В гостинице работала в буфете. Бросила учёбу. Откуда у её родителей деньги? ...Поедем, поговорим с Юлькой. Она скажет, куда уехала Оля.

— Я машину продам. Сколько стоит операция?

— Пять тысяч у.е. У нас не делают подобных операций, нужно ехать в Германию. Запустила свою болячку. Поздняя стадия, вот и не берутся здесь... Надежды на успех нет...

— Где взять деньги? Где? — не слушал Андрей миленькую спутницу. — Вот глупая, зачем сбежала? Разве так делают? ...«Рыбки» помогут! — ...воскликнул Листовский. — Только бы её найти.

— Найдём.

ОБЕЛИСКИ

В квартире Никодимовых что-то было не правильно.

— Мама, а ты, почему не кладёшь в чемодан свои вещи? — удивился Слава, помогая отцу собираться в дорогу.

— Что я могу увидеть в захудалой деревне? За скотиной нужно кому-то присмотреть. Езжайте. А потом я поеду на Рижское взморье.

Ветер морщил воду в лужах. Шелестели листья тополей у школы. Недалеко от гостиницы высился обелиск. На плитах много фамилий. Слава хотел их прочесть, но тут увидел бетонные фигуры солдат, стоящих на коленях. Степан смотрел на плиты. Мемориала Славы тогда не было. Прошло тридцать лет, как его увезли из этого села. Он не помнил родителей. Зато лицо бабушки, её руки — всегда были в его памяти.

Они идут по широкой улице. Пыльный асфальт. В луже у колонки утка с утятами. В тени ворот сидят на траве гуси. Они только начали оперяться. Слава смотрит на высокие столбы, пахнущие креозотом.

— После дождя в колеях скапливалось много воды. Мы делали себе тачки с трещотками и гонялись друг за другом.

— Ты мне покажешь, как делать правильно тачку? — спросил мальчик.

Мысли его отца заняты воспоминаниями. Он внимательно рассматривал дома и ограды.

— Наша хатка была четвёртой от переулка.

— Большой дом какой, и гараж, — проговорил Слава. — Где же ваш домик? Ты мне рассказывал, что вы посадили сосёнки. Посмотри, как выросли. Ты забыл?

Нет саманного домика. На его месте дом с железной крышей. А в палисаднике четыре дерева. Грустно Никодимову старшему стало. Будто обманули в чем-то. Он долго собирался приехать сюда, в своё детство. Это оно позвало в дорогу. Потому что жило в нём крохотным ручьём, малым ростком. Он не верит тем, кто говорит, что у них в войну не было детства. Оно есть у всех. Оно было. Надо лишь иметь свою память. Помнить всё — хорошее, ну, и плохое. Никодимов не завидует своему сыну, ни соседским мальчишкам, управляющим мотовелосипедами. Он родился в другое время. Оно накладывает свои обязанности.

Избу снесли. Даже не дом, а глинобитную невысокую избёнку под соломенной крышей, в которой он жил с бабушкой. Почему хочется увидеть невзрачную халупу. Для него была роскошным дворцом. Весной с бабушкой взяли кисти и побелили стены своей саманушки. На ихнем порядке было более десятка саманных изб, но бабуш-

кина — самая нарядная, самая тёплая. Завалинку белили темно-синей известью, а стены — жёлтой.

Первые уроки рисования. Это бабушка научила его держать кисть и проводить ровные линии. Это она показала, как нарисовать цветок, стебель, листья. Бабушка Поля рисовала контуры ставней, а он раскрашивал их. Мальчишки собирались у палисадника. Завистливо смотрели, как они рисуют. Зимой строили планы, какими будут ставни, какие цветы украсят их. Стёпа на кусочках бумаги учился рисовать. У него сразу получились васильки, а вот маки долго не получались. Он упорно шел к своей цели. Он хотел помогать бабушке. Без напоминаний брал ведро и уходил к колодцу, чтобы набрать свежей воды. Это была самая лучшая бабушка в мире. Её все любили и приходили за советом. Иногда просили бросить на картах, чтобы узнать, когда муж приедет на побывку. По одному его виду могла сказать, был ли он в школе или помогал на конном дворе чистить лошадей, сыпать овёс в кормушки, запрягать. «Ты чего не берёшь? — спрашивали взрослые ребята. — Бабушка тебе кашу сварит. Сегодня горстку, завтра горстку... Сыпь в валенок. Никто не узнает».

Бабушка, увидев на столе горку овса, не заругала, не обрадовалась. Лишь сказала, что так делают те, у кого большие семьи, кому есть нечего весной. «А у нас с тобой есть сушёная тыква, брюква, репа и много картошки. Ты помнишь, как мы с тобой копали картошку, как солили капусту, как собирали грибы и ягоды?» Он пообещал, что не станет брать овёс, что никогда не возьмёт того, что ему не принадлежит. Эти слова говорил Славе, когда тот при-

нёс домой чужую игрушечную машинку. «Её оставили, — говорила Анна, — значит, ничья, её может взять каждый. И это не является воровством».

— Сын, ты знаешь, чья машинка?

— ...Нужно её унести Коли Игнатову. Он её забыл.

Они отнесли игрушку. Толя обрадовался, подарил Славе карманный фонарик «Лягушку». Жена долго ворчала, что он из мальчика выращивает полоротого недоросля. Степан знал, что бабушка непременно похвалила за воспитание внука.

Чужой дом. А в палисаднике родные сосенки. Это они с бабушкой посадили их, выкопав осенью в бору, в сорок третьем году. Он искал дощечку, чтобы выпилить пистолет, услышал, как бабушка разговаривает с саженцами, называя их Андреем, Михаилом, Василием. Он не удивился, ведь и у котика тоже было имя — Дрёма.

Окончилась война хорошим тёплым днём — Днём Победы. Все радовались, плакали, обнимали друг друга и смеялись. Стёпа с мальчиками бегал по улицам и кричал: «По-бе-да!» Только бабушка сидела на скамеечке, выпускала старую дерюжку и не радовалась. После обеда они сходили в бор и выкопали крошечную сосёнку. «Почему одну? Давай две посадим». Бабушка сказала: «Вот и Ванюшка будет жить».

Стоят четыре сосёнки — крепкие, развесистые, одинаковые. Никодимов снял кепку. Слава снял панамку. Подошли к палисаднику. Хотел потрогать, ведь вместе с бабушкой поливал, траву полон, ростом мерился. «Хорошо ли им у чужих?»

В середине лета стала сохнуть второе деревце. «Миша заболел», — горевала бабушка, просиживая всё вечернее время у саженца. «А если другое деревце посадить, — предложил Стёпа. Бабушка ничего не сказала, а только вздохнула.

В школе был, когда бабушку Полю нашли у сосёнок мёртвой. Стёпа впервые увидел бабушку лежащей. Её кровать-топчан всегда заправлена, когда бы ни проснулся. В домик входили и выходили женщины и старушки, мужчины на костылях и без костылей.

На крышку гроба падали шершавистые тонкие тополиные листья, а он не мог понять, отчего же бабушка не встаёт. Он знал, что люди могут умирать, но только не его бабушка. Она должна жить всегда. Утешая его, женщина-соседка, сказала: «Не плачь, успокойся. Не родная она тебе была. Тебя эвакуировали из Ленинграда. Твои родители погибли, а она тебя взяла, чтоб не скучно ей было». Вырвался из жестких рук, побежал за телегой, которая увозила бабушку.

Отец и сын Никодимовы шли по деревенской улице, а вслед тянули ветки-руки четыре сосёнки.

СВАЛКА

1.

Следователь Тупикин курил на балконе. Он знает почему горят в городе иномарки, почему взрываются особняки на плановом посёлке. Впервые не хочется раскрывать эти преступления. Нет желания, нет того порыва,

что был раньше. Но, как не тяни, а есть сроки, есть начальство, есть обязанность. Небо серело на востоке, за водонапорной башней должно появиться солнце. Последний год. В декабре на пенсию.. И гори оно синим огнём...

Ночь не властвовала над железнодорожным городком Новобобёрском, но и утро где-то запропало. Несмотря на раннее время, по улице Строителей, выходящей к зарослям ивняка поймы речки Велижки, по холодной пыли бодро вышагивала босоногая ватага с удочками на плечах. С левой стороны на путях мокли в росе остовы вагонов, полуразбитые платформы. Утреннюю прохладу размывали писклявые гудки проносившихся электропоездов, им вторили сигналы маневровых тепловозов. Бубнил, как старик у ворот базара, на сортировочной горке, селектор. Здесь старинные переводные стрелки, тупики.

Пахло мазутом и креозотом. Мрачные высокие стены ремонтных мастерских сливались с бетонной оградой, стоящей на краю огромного карьера, в котором брали песок для штукатурки стен жилых домов и цехов заводов. Раньше в мастерских ремонтировали стрелковое оружие, сваривали направляющие для «Катюш», выпускали миномёты, переплавляли военный скарп, привозимый с фронтов.

Исчезли очереди и талоны. В магазинах и магазинчиках продают у нас иностранные конфеты, консервы, вина и сигареты. Прошло время и хозяйки поняли, что куриные окорочка, привезённые из-за океана, — это не только тридцатилетнее куриное мяско, но и заграничная водичка, который они нашпигованы. Продавцы, чтобы сбыть им-

портную продукцию, пишут на коробках магические слова: «ПРОИЗВЕДЕНО В РОССИИ».

— Что врать!!! — кричали досужие бабки. — Наши окорочка жёлтые, и в перьях. А эти чистенькие.

— Нашли помойку. Всякую дрянь везут! — возмущались покупательницы.

— Дожились. Своей кукурузы не стало! Горох не можем консервировать.

— Глядите, бабы, грибы из Китая привезли, сухие. Будто свои кончились.

Это случилось в то далёкое время, когда слово «безработица», когда-то вызывало недоумение. А теперь людей сокращали, не платили зарплату. Плоды наступающего капитализма вкусили не только в Новобобёрске. Работа исчезала. О ней часто говорили, что она – не Алитет, в горы не уйдёт. Был такой роман Тихона Сёмушкина «Алитет уходит в горы».

Теперь она ушла. Никто не знает куда. Её ищут, читая газеты. Мужчины, лишившись статуса добытчика, не могли содержать семьи. Начались разводы. Сильный пол становился слабым. От безысходности пили и травились. Импортное пойло крепко било по карманам и по печени. Пришла досель малоизвестная наркомания. Подростки нюхали клей, курили лавровый лист.

Захваченные предприятия и фабрики, принадлежали не городу, а лишь единицам. Эти единицы построили свой новый город. Вырублены деревья в лесопарковой зоне. Запруженная речка, наполнила своей водой небольшое водохранилище. ...Он выглядел довольно симпатично. Архитекторы приложили руки и головы, проектируя кот-

теджи, напоминающие замки. Дома строились быстро и добротно. Я удивлялся – откуда мастера? Ещё недавно штукатурили стены с такими волнами, что если захочешь сделать волнообразный угол, не получится, но умудрялись. Сдавали квартиры с недоделками. Рассохшиеся рамы так корёжило, что стёкла лопались, а высохшие полы перестилали те же плотники, но за дополнительные рублики.

Попасть в этот город «счастья» могли не все. Была охрана. В домах не забивалась канализация, не подмигивали лампочки, а вода из кранов текла постоянно. Народ городской называл поселение — «Кулацким посёлком». Пожилые граждане уверенно доказывали, что вот-вот и кончится новый НЭП. Коммунисты с алыми стягами стояли у ног бетонного вождя, клеймили позором всё и вся. Пожилые гражданки, с полными сумками провизии, горько сетовали на задержку пенсий.

В последний месяц у нас в городе вдруг сгорело восемь иномарок. Следователь Иван Иванович Тупикин, почёсывая остатки седых кудрей вокруг обширной плешины, составил список владельцев автомобилей. Он понимал, что этот теракт не могут себе позволить ветераны войны и труда. Это делят рынок свои. Склонившись над списком погорельцев, кривил тонкие плоховыбритые синюшные губы. Оказалось, что авто принадлежат директорам фирм. Следователь выдвинул ещё одну версию: кто-то мстит новым русским. Они задерживают зарплату, увольняют рабочих. Заходя по кабинету, Тупикин, не потирал ла-

дошек, не раскуривал трубку и не хватался за скрипку. Две версии. Одна правильная. Или обе?

2.

Воткнув удилице в землю, Иван Фролов начал спускаться по крутому откосу. За ним последовали Юрик и Вася. Антон, остановил остальных ребят, захотевших ринуться в карьерную полутемь.

— Кто будет удочки караулить? — спросил он. — Кто будет сигнал подавать, если «Башенские» придут?

Поясню. На каждой улице группы и группочки, поделившие городок на территории. Башенские жили на улице Пионерской. Неподалёку выстроили огромную водонапорную башню. У них было право собирать бутылки в парке. «Барахло» — считали базар своей территорией. «Бойцы» — жили у бойни, рядом с мясокомбинатом. «Строители» — обладали свалкой. Каждая группа отстаивала права на владение территории. Парни уходили в армию, в колонию, которая тоже была у города своя. Они редко ввязывались в разборки мелюзги, учили малышей не уступать владений, но навещать к соседям в «гости», как когда-то делали они.

У Ивана Фролова, жившего с родными и двоюродными братьями и сёстрами на улице Строительной, золотое дно — свалка в песчаном карьере. Братья подрастали, обзаводились друзьями и подружками. Если на других улицах в ходу было слово — банда, то, сплочённый коллектив Ивана Фролова, назывался отрядом. Я точно знаю, что в отряде не нюхали клей. Не пили баночное пиво. Соревновались в силе и ловкости, проводя короткие бои в боксёрских перчатках, стреляя из рогаток в мишени.

Строительная улица самая длинная в городе, хотя и состояла когда-то из двухквартирных домов. Пацанов почему-то росло на ней много. В домах жили семьи железнодорожников. Родители, с трудом выйдя на пенсии, потихоньку умирали, так как и у железнодорожников век не долгов. На паровозах дышали угольной гарью, ели находку из своих железных сундучков-шарманок жиденькие супы и каши. Тепловозы вытеснили паровозы. А им на смену пришли электровозы. Молодые машинисты водили по отцовским маршрутам пассажирские поезда, грузовые составы, ремонтировали локомотивы в депо, занимались всем тем, что необходимо для нормальной жизни дистанции путей сообщения.

На моих глазах постепенно брусовые дома, окружённые яблонями и малинниками, исчезали. На их местах отрастали панельные и кирпичные пятиэтажки. Типовые двухквартирные дома ещё можно увидеть на каком-нибудь полустанке. Но в городе Новобобёрске их уже не более двух десятков. Дома не сожгли, не перепилили на дрова. Из великолепного лиственничного бруса умелые плотники строили на пустынных разъездах симпатичные домики-дачи. Тогда ещё не рассказал Чубайс о процессе приватизации жилья.

Бывшие хозяева получили бесплатно свои квадратные метры в домах со всеми удобствами. Если раньше женщины встречали коровок у калиток, доили тёплое и ужасно вечно-белое молоко, поили детей, крошили редиску, огурцы в миски, то нынче сидят перед подъездами на скамейках и вспоминают, какие у них росли помидоры,

какое варенье закатывали в банки, какое вино получалось из яблок.

Новосельцы организовались в свои отряды. Мальчишки самозабвенно катались на вагонах и платформах на сортировочной горке, навевались на стоянку заключенных паровозов, именуя резерв, «кладбищем», торговали марками и монетами из отцовских коллекций на остановке электричек, приворовывали на разгрузочной площадке у складов, ставших торговой базой. От скуки, но очень редко, мальчишки играли в войну в карьере. В почёте отважные киллеры, убивающие наглых олигархов, которые не платят годами зарплату трудящемуся люду на своих заводах.

В последние двадцать лет карьер медленно превращался в свалку. Свалка — не базар. Ничего хорошего там уже не добудешь. Весь мусор сортируют дворники, но иногда случаются стоящие находки. Заводские гудки смолкли. Фабрики еле дышат скудным дымком котельных. Счастливчики, из числа разбогатевших челноков, выбрасывают старую мебель, стиральные машины, телевизоры, пылесосы и другой домашний скарб.

Мальчишки прознали, что в озерке — в центре карьера — хранятся несметные сокровища военной поры. Пункты приёма утиля оплели город сетью. Металлом брали везде. На кладбищах, на дачах, выдирались металлические столбики. ...В озеро бросали снаряды и гранаты, которые находили в танках, привезённых на переплавку. Отец Ивана рассказывал, что в детстве нашёл в озере мадьярский пистолет. Иван сделал дыхательный аппарат. Мальчишки ныряют на дно водоёма, поднимают железки.

Везут на тачках сдавать. Они не знают, что озеро с настоящими минами и снарядами в другом месте. Оно давно засыпано, замаскировано. Только Иван Фролов знал, где находится опасное место. Полагал, что придёт нужный час и тогда он начнёт добычу смертельного материала.

За четыре военных года и пять — послевоенных в озерке упокоились, но не с миром, тысячи тонн взрывчатки. Но тогда это озерко было очень далеко от барачков. Сегодня город уткнулся улицами в огромный карьер, напоминающий лунный ландшафт. Город приблизился к беде. Те, кто знал об этом секрете, давно уехали в другие места. Кто когда-то нырял в то страшное озеро, не сможет его найти, так как воду отвели в глубокую соседнюю яму, вырытую экскаваторами. Да, и не до этого им сегодня. На хлебушек бы, на пиво заработать каким-нибудь путём. А взрывчатка на рынке есть. Свеженькая. Современная. Мощная.

Карьер ребята проверяют каждый день. Утром и поздно вечером приезжают мусоровозки. Нужно быть на месте первыми, чтобы обнаружить нечто нужное и ценное. На самой большой городской свалке дежурят бомжи, а здесь пока никто не живёт. Башенские тоже не спят. У них редко бывает праздник. На ихней территории иногда устраивают по оврагам мотогонки, ралли джипов и соревнования санитарных дружин. Там особо нечем поживиться. Разве что на стрельбах насобирать автоматных и пистолетных гильз, но что ими делать? А бутылки в основном валяются пластиковые. Поэтому они совершают набеги на карьер, а значит, на территорию «Строителей». Воевать с ними нелегко. Они дружны, а малочисленный отряд Ивана

Фролова слаб. Две других группы Строительной улицы редко приходят на помощь. Отряд издалека обстреливает своих противников из рогаток, заставляет отступать, но в нормальный кулачный бой никогда не вступает. Высушенные кусочки глины летят со свистом. Даже девочки умеют не только подавать заряды, но и уверенно стреляют, хотя и не прицельно.

Иван и его братья — Юра и Вася скрылись в глубине карьера. Антон Майко вынул из кармана старой джинсовой куртки большой огурец и разрезал складным ножом на три куска, подал малышам, которые перешли во второй и третий классы.

— А тебе? — сказал Лёня — белоголовый мальчуган в спортивных выгоревших шароварах. — Хоть откуси.

— Лёнька, Серёжка! Отвязни. ...Рано курить. Перейдёте в пятый класс, тогда Иван разрешит. Клёв прозеваем, — ворчливо сказал Антон, зажигая спичку. Серёжа Клячевский — молчаливый, но умелый мальчик примкнул к ребятам в прошлом году. Он не жил на Строительной улице. Его отец не водил ни паровозы, ни тепловозы. Он когда-то работал вагонным мастером. Сортировал вагоны на сортировочной горке. Сократили за пьянку.

Пойма реки Велижки за карьером исходила сизым туманом. В тальниках посвистывали синицы, в болотистой пойме ухала выпь, дразнились иволги. На островах в камышах жили летом небольшими группами бомжи и бандиты. Они грабили припозднившихся прохожих и прятались в непроходимой чаще.

Редкое стадо коров выдавливалось из города, как паста из тюбика. Отряд шёл рыбачить, а заглянуть в карьер

ер нужно в первую очередь. Можно разжиться рамой от велосипеда ламповым радиоприёмником, старой электроплитой. Сегодня пришли без мешков, без тачек. Только разведка. Придут после обеда, чтобы забрать припрятанное, но после того как продадут живую рыбу, купят мороженое или сникерсы. Всё поделят на равные доли. Получат даже те, кто не был на рыбалке, зато отличился в других акциях.

Иван копит деньги на видеокассету. У него есть план. Он перепишет её и продаст взрослым парням за деньги, за покровительство, за помощь в разборках с соседями. Кассета есть у Чука из Башенной ватаги. Чукерманес не особа с ними водится, играет на скрипке, поёт в церковном хоре. Он обещал стянуть у родителей умопомрачительную порнуху, передать её под честное слово на три дня за четыре доллара.

— Чего они там завязли что ли, — нервничает Антон, присыпает окурком песком. — Как пить дать, прозеваем сегодня клёв. Ва-ня! — кричит Антон. Мы пойдём место занимать.

— Не ори, — донёсся сдавленный голос Юрика Гуркина. Матери Ивана, Лёньки и Юрки — родные сёстры. Они приехали в этот городок из деревни Берёзовый Лог. Работали в строительном управлении. Ольга Терентьевна Фролова окончила заочно техникум связи и стала заведовать почтовым отделением. Тамара Терентьевна Гуркина работала на ремзаводе бухгалтером, а Нина Терентьевна Майко развешивала лапшу и пшёнку в «новом» гастрономе, который давно уже не нов, а все по-привычке так его называют много лет.

— Мы — телек надыбали, — проговорил снизу Юрка Гуркин. — Бросай шнур.

Можно было пройти метров двести, где склон песчаного холма понижается, где есть дорога, по которой въезжают в первую линию карьера мусоровозки, но мальчишки выбрали сегодня короткий путь. Иван не был уверен, что в карьере нет посторонних. Поэтому, тайно спустившись по крутому откосу, мог бы обнаружить Башенных, застав их врасплох, но в карьере никого.

Антон намотал на кулак бельевой шнур, начал вытягивать из сумрака карьера что-то тяжёлое. Ему помогали мальчишки. Хотя больше мешали, но он не прогонял их.

— Мешок, — подошёл к краю Игорёк Майко, прозванный за простуженный нос, — Сапой.

— Уснули? — донёсся голос Васьки Гуркина — младшего брата Юрки, стоявшего на учёте в детской комнате отделения милиции. Однажды случайно оказался на месте перевёрнутого комка. Его захватили, но он никого не выдал, хотя знал парней, которые немного поживились сигаретами и баночным пивом.

Иван выбрался из карьера, тоже принялся вытягивать груз, откидываясь назад. Тяжело дыша, мальчишки наклонились над большим мешком.

— Вот это да, — удивился Антон.

— Иду. Показалось, что пахнет необычно, — радостно говорил Васька. — Тут подошёл Иван, начал копать. Юрка бегает вокруг и заточкой ширяет. Може, чо ещо заныкали.

— Не трогать, — приказал Иван, развязав мешок.

— Отравленную не стали бы прятать в мешке, — задумчиво сказал Юрка.

— Тёплая, Ваня. Потрогай, — удивился Антон.

Иван достал круг копчёной колбасы, отломил кусок, откусил. Потянулись руки. Паренёк строго взглянул на мальчиков. Наступила тишина. Юрка начал завязывать мешок.

— Чтобы тихо. Поняли? Это тыренная колбаса с мясокомбината. Проболтаетесь, получите пику под ребро от тех воров. Всю семью могут вырезать. Кому не понятно?

— Давайте обратно, положим, — предложил младший из всех братьев — Леня Майко.

— Вам хорошо. Твоя мать в магазине, а моему бате получку уже год не платят. Сестры вкус забыли колбасы, — стал прятать удочки в кусты Васька.

— Короче. Клятва. С Юриком отнесём мешок и спрячем, а вы — на рыбалку. Мы приходим, приносим жрачку. С хлебом. Поедите. Потом поделим на всех. На весах, — строго проговорил Иван, оглядывая войско.

— Ваня, мы не возьмём. У нас есть. Правда, Лёнька? У нас отец на бирже стоит. Он хотя болеет, но не пьёт. У нас кролики. Мы их кормим. Наташка и Тонька траву рвут на грядках. Мы не боимся. ...Граммов сто, и нам хватит. Для девчонок, — сказал Антон Майко — старший брат Леонида.

— Это не важно, — сказал Юрка строго. — Всем поровну. Так нас учит Иван? Так, — мальчишки одобрительно загомонили. Может, кто трухнул?

— Ничего мы не испугались, — обиделся Антон Майко. — Васька прав. У нас мама работает. Ей зарплату платят. А вашим родителям трудно.

— Мы поэтому и стараемся им помогать, — сказал Иван, перекладывая колбасу в марлевый неводок.

— Чтобы они без нас делали? — вздохнул Сергей Клячевский, прозванный Клячей. Хотя он был худым, но в бою вёрток и терпелив; если пропускал удар, не хныкал.

3.

Солнце светило пацанам Новобобёрска так же, как и мальчишкам из Новосибирска или Томска. Для всех оно было важным и желанным. К нему привыкли, поэтому не обращали внимания, когда оно всходит, а когда заходит.

Ваня Фролов не хотел становиться машинистом электровоза, как его отец. Однажды в поездке недалеко от Бийска у Фролова старшего так забастовали почки, что он не знал, что с ними делать, как и чем задобрить. Выпил на станции бутылку пива, проглотил десяток таблеток. Боль зверела, а хозяин почек просто выл, не зная чем заглушить приступ. Он вспомнил, как лез на гору, как спал на тоненьком матрасике в пуховом спальнике. Пик Коммунизма маячил на горизонте. Когда начали его покорять, он выпрягся, как говорила бабушка Поля, не желал покоряться. Поднимались, опускались, привыкая к кислородному дефициту. Застудился на леднике, когда покорял Пик, ожидаемого всеми, Коммунизма. Ему срочно сделали отрезание больного органа, хотя можно было попробовать применить народные средства. За операции платили, а за вылеченные органы доплаты пока не полагались. Александр Фролов не выработал пенсионного стажа. Приняли

его в газету фоторепортёром. Газета небольшая, ведомственная. Подписчиков много, благо пассажиры с удовольствием покупали у вагонработниц весёленькую газетку. Чего в дороге не прочитаешь, пока везут тебя в нужный пункт. Бывший машинист и альпинист нашёл себя. Написал десяток очерков о братьях железнодорожниках. А репортажей — и не счесть. Даже «Гудок» публиковал его стихотворные строки, которые пел автор под гитару в свободное от житейских проблем время.

Бурно начавшаяся перестройка, не только радовала Фроловых, но и сделала их счастливыми. Как и все жители Новобобёрска, они упорно надеялись, что всё отвратительное будет высвечено прожектором перестройки и выметено из тёмных углов страны и общества навсегда. Талоны на продукты не гарантировали, что их можно отovarить. Спекуляция постепенно становилась в понятии горожан необходимым делом, получив в государстве законный статус предпринимательства. Отменили статью за тунеядство, так как работы становилось всё меньше и меньше. У жуликов не конфисковывали после суда имущество, как было раньше.

Не платили зарплату не только журналистам. Александр с другом детства Валеркой Лябковичем организовали кооператив, по сбору и продаже лекарственных трав. Траву сушили, как сено. Сдавали на вес. Особенно хорошо шли берёзовые веники. Но нужно их продавать обязательно у бани. У бани покупали лучше, чем у столовой или у «нового» гастронома. Связи не зарождались с японскими предпринимателями, которые могли бы покупать папоротник, но не знали, как много нужно платить за пучки.

Друзья солили корешки, ели, кормили семьи, давали на пробу соседям. Прибыли не хватало на бензин, цены на который изменялись каждое утро.

Налоговая инспекция с заезжими молодыми хлопчиками требовали долю. Александр после очередного «дружеского» визита, был вынужден уплатить штраф, как тем, так и этим. Он устроился сторожем в строительную фирму, которая строила дома и продавала квартиры другой фирме. Эта другая фирма продавала квартиры третьей фирме. Квартиры строились медленно, а продавались быстро. Деньги дешевели на глазах. Люди шутили — «Пока стоишь за лапшой, ценник два раза переписывают». Жизнь была интересной и загадочной. Разрешалось новыми законами всё, что не запрещалось теми же законами. Друзья прочитали несколько новых книг, рассказывающих о том, как стать независимым и богатым. Задумались. Хотелось стать олигархами. Ваучеры скупать надо, — предположили друзья. Но куда потом с ними? Кому загнать? Очередь на регистрацию в олигархи оказалось очень длинной. Валерка решил переквалифицироваться в экстрасенсы. Александр поругался накануне с начальством. Решил искать новую работу. Предстояло закрывать кооператив. Это казалось труднее, чем открыть. Так перестала жить «Лесная сказка».

Колбасу развешивали в пустом дровянике. Рыбалку решили отложить, так как опоздали к утреннему клёву. Иван сначала взвесил всю добычу, Юра составил список отряда. С Иваном их оказалось четырнадцать бойцов.

— Дошколятам можно сделать пай поменьше, — предложил Васька. — Колбаса жирная, могут объесться и заболеть.

— Я — буду следить, и давать колбасу сёстрам только с хлебом, — сказал Антон. — От огурцов и лука скоро позеленеет, как марсиане. Отец запил, тащит из дома хрусталь.

— Мне можно поменьше, — встала с чурбака Оксана. — Не люблю жирное. Мать в столовой сейчас работает. Приносит кое-что. И поросёнку хватает.

— Не строй из себя девочку, — усмехнулся Васька. — Ты лучше всех рыбачишь. У тебя всегда клюют крупные чебаки. Покормишь брата. Он хоть и взрослый, но не откажется.

Иван развешивал колбасу, Юра заворачивал в бумагу, Кляча подписывал и складывал свёртки в большую корзину.

— Нам поменьше, — сказал Юрка. — Девчонки совсем ещё не умеют рыбачить, даже продавать их не пошлешь.

— Не командуй, — вздохнул Иван. — Они вырастут...

— На такой колбасе чего не расти, — усмехнулся Антон.

— Естественно, — подхватил Васька. — В шестом классе уже будут давать за валюту. Купят Юрке Мерседес.

Иван нехотя шлёпнул его по заду, подал свёрток.

— Не болтать. ...Не ной. Антон, берите, тачку с пацанами и дуйте за телеком. Ты сам его в кустах прятал. Мы соберём велосипед, девочки начнут красить. Все мо-

гут сбегать домой, поесть. Кому грядки полоть? Давайте все навалимся. Потом на рыбалку.

Мальчишки и девчонки быстро покидали дровяник, прижимая к себе тёплые свёртки. Прячась в зарослях клёнов, перебегая от забора к забору, дети отправились по своим квартирам. Они никогда не выходили со двора Фроловых толпой. У каждого была своя тропинка, свой тайный лаз в ограде. От Строительной улицы осталось восемь двухквартирных домов.

Пятиэтажки наступали на них, но в последние годы строительство заглохло. Кусок улицы, упирившейся в котлован, как бы сдерживал атаку огромных монстров. Один кирпичный недостроенный дом хотели городские власти продать под магазин автозапчастей, но продавали недострой по цене несуществующей в реальной жизни пятиэтажки. Второй этаж был выложен лишь наполовину, предстояло сделать перепланировку и натянуть крышу. Такая виртуальная покупка не прельщала покупателей. Два других котлована стояли заваленные мусором. Несколько десятков бетонных свай сиротливо торчали из них. Строили в Новобобёрске высотные здания с башенками и балкончиками. Облицовывали специальными плитками, вставляли пластиковые окна.

Новые оригинальные архитектурные сооружения начали украшать город. Посёлок новых русских радовал глаза. Но не возводили панельных домов, не было и металлических гаражей. Исчезли с улиц мотоциклы и мопеды, на которых раскатывали подростки. Зато появились лёгкие и опрятные мотики, именуемые «скутерами». Ими управляли те мальчишки, родители которых могли себе

позволить не только покупать каждый день дорогой бензин для любимого чадушки, но и заграничную мотоциклетку подарить.

— Брат, я тут подумал, — начал Юрка, почёсывая цыпки на ноге. — Нам нужно назвать отряд «Молодая гвардия». Мама говорила, что у них в школе была пионерская организация. Работали тимуровцы. В каждом классе отряд. Помогали старикам-фронтовикам, носили воду и кололи дрова. Командир — председатель совета отряда и командиры отделений — звеньевыми назывались. Порядок и дисциплина. Помогали престарелым, собирали утиль, проводили сборы. Играли в военную игру «Зарницу».

— Нам это зачем? — удивился Иван, зажимая в тиски кусок трубы.

— Не понимаешь? У нас будет свой пионерский отряд. Мы будем носить галстуки и бороться с несправедливостью.

— Как с ней бороться? Бесполезно. Нам нужно заработать деньги и купить к школе учебники. Вот и все наши игры. Мы просто помогаем родителям. Сами заботимся о себе. За нас это никто не сделает. Было бы нам хоть по четырнадцать лет, могли бы устроиться на работу куда-нибудь. Что нам дадут эти галстуки? Юра, другое время пришло. Игры кончились. Нужно думать и работать.

— Понятно, — нехотя сказал Юра, встречая Антона и его помощников. Тачка с большим ламповым телевизором еле прошла в калитку. Когда мальчики начали расходиться, Юрка кивнул головой Антону, приглашая к разговору.

— Отряд можно организовать, — согласился подросток. — Только зачем? Читал в детстве книжку о пацанах, которые помогали старикам.

— «Тимур и его команда»? — спросил Юрка.

— Да. Всё как-то нереально. Надуманно.

— Начнём бороться с разными жуликами и олигархами, которые не платят зарплату, а сами ездят в Турцию с бабами, покупают машины и строят особняки...

— ...А мы их будем поджигать, — прошептал Антон, прищурив глаз.

— Мы будем носить красные галстуки, как протест. У мамы сохранился.

— А я себе вырежу из старой кофточки. Танька её уже не носит. Я знаю, как делать мины замедленного действия.

— Девчонок не берём, — сказал Юра. — Они сразу всё провалят. Выболтают. Нужно найти клятву пионеров. Молодая гвардия воевала с фашистами, а мы будем с гадами расправляться. ...Нужно только Ивана убедить. Без него нельзя. Он умный и хитрый. ...Не хочет?

— За такие подвиги нас могут в колонию законопатить.

— Если болтать не будем, нас никто не поймает. Поговори с Клячем.

— Чем больше народу, тем меньше кислороду, — проговорил Антон, округлив глаза.

4.

Прошло три жарких дня.

Иван, Юрка и Антон возились с большой металлической бочкой, в которой ещё вчера сжигали мусор убор-

щицы парикмахерской и фотографии. Оксана и Татьяна — двенадцатилетние девочки — удаляли жабры у чебаков и окуней, вынимали внутренности через отверстия проделанные у головы. Не так давно они солили добычу, не потрошив, но на рынке нельзя стоять не месте. Дети начали соскабливать чешуйки, убирать внутренности. Таковую продукцию быстро раскупали у пивбара на автобусной остановке, у бани. Теперь встал вопрос копчения рыбы. Иван сначала приспособил деревянный остов сундука, внутри которого набили в два яруса реек, чтобы укладывать на них металлические прутки с нанизанной рыбой. Процесс копчения был утомителен. По прокопанной канаве дым проходил плохо. Почти не остывал. Продукция не коптилась, а варилось. Рыба получалась горячего копчения, падала с прутков на землю. Юра обмывал чебаков, раздавал промысловикам.

— Нужно пробить дырки, чтобы укрепить проволоку для вешалов, — сказал Антон.

— Верх мы закрываем тряпкой, чтобы дым уходил, — размышлял Юра.

— Ваня, готово. Развешивайте, — сказала конопатенькая Оксана, рассматривая оцарапанный палец.

— Давай, забинтуем, чтобы инфекция не попала, — предложила круглощёкая Татьяна в материном переднике.

Мальчишки ополоснули свежую рыбу в растворе яблочного уксуса, принялись нанизывать на проволоку. Юра полез на сеновал через бывший коровник, в котором люк для подачи сена. На сеновале остатки целебных трав, которые заготавливал два года назад Фролов старший. Здесь же мальчики, реконструировав сушильную камеру,

вялили рыбу. Снимая чебаков и окуней, Юра выбрал самых крошечных представителей семейства частичковых, положил в карман. Продукция едва вошла в полотняный мешок. Мальчуган вытер высокий лоб, полез вниз. Всё это делалось с предосторожностями, чтобы никто не знал, где сушат рыбу. Свои могут затребовать рыбу за какие-нибудь призрачные услуги. И не откажешь. Мало ли что может произойти на базаре или у автостанции. Мальчишки научились продавать так, чтобы никто не мог понять, чем промышляют мальчишки, сидящие около какой-нибудь бабули с пучками редиса и укропа. Старшие парни могут отшить не только конкурентов, но и привязавшегося наглого алкана. Выбирать не приходится. Иван отделяет порцию продукции ребятам, которые познали почём фунт лиха. У них на пальцах синие перстни. Как визитные карточки, они рассказывают вехи биографии владельца.

С крыльца веранды сошёл худошавый мужчина, коротко взглянул на сыновей и племянников, попытался прошмыгнуть в калитку. Иван перестал колотить по пробойнику молотком, посмотрел на отца.

— Эт самое, Ванёк, хочу на барахолке двигун к стиралке загнать.

— Там сейчас их, как сору. Ты бы лучше велосипеды перебрал. Мы делаем трёхколёсные, с корзинами. Знаешь, сколько заказов. Нам старьё тащат... Ты бы поел.

— Понимаешь, сын, голова трещит. Надо полечиться.

Иван подошёл к отцу, чтобы не слышали братья, заговорил тихо, но внушительно:

— Опять уволят. О чём думаешь? Ушло то время, когда ты на работе с друзьями отмечал именины. Ты видишь, что делается.

— Сын. Приду, помогу разобрать. Я знаю, где сварку однофазную взять. Такие сделаем тренажёры старикам. ...Спасибо, сын. Отработаю. Ты меня знаешь. — Фролов заторопился, оставив двигатель на скамейке под яблоней.

— Батя, нам коптилка нужна хорошая. Помоги. Мы бочку нашли...

— Племяши, всё сделаю. Только скажите. Не подведу. Слетаю до Зелёного Дуная и буду, как штык. Пару чебаков вырешу к пиву, сынок. О сварке узнаю. Он там, у Дуная пасётся. Сварщик отличный из депо.

— Отец, не задерживайся. Нас не будет, ты знаешь, что делать. ...На рыбалку. — Иван взвешал мешок с рыбой, разложил по пакетам.

— Мальчики, — сказала Татьяна, — поспела смородина. Мы с девочками решили в лесополосы съездить, нарвать.

— Можно стаканами продавать, — подошла Оксана.

— Поедите с Антоном и Васькой. Ну, и мелюзгу возьмите. Им всеравно билеты не брать. Пусть учатся, как заработать миллион. Рыбу отдайте тёте Нине. Тут сто пятьдесят штук. Пусть продаст у себя в буфете. Я вам записываю это поручение.

— А нашему учителю математики? — взяла сумку Таня. — Он любит рыбу. Ему пенсию задержали. ...Жалко так и не давайте. Антон тебя Циркуль тоже учил.

— Не жалко. Всем задержали. Когда-нибудь выплатят. Солёное вредно старикам. У них кости становятся

ломкими. Наловим, и свежей рыбы принесёшь. Пожарите и накормите. Будет полезней, — ворчливо выговаривал Юрка.

— А с вяленой рыбой пойдёт к Дунаю и его угостят там. — Сказал Иван. — Он поделится. У него учеников полгорода. Потом «скорую» вызывать соседям. От пива давление поднимается.

Юра добыл из кармана мелкую рыбу, предложил сёстрам угадать в какой руке самая крупная. Жребий постоянно применяет Иван, чтобы никому не было обидно, если и достанется не то, что хотел получить.

Мальчики взяли удочки, два ведра и сумку с марлевым неводком. Из переулка от столовой шел, понурившись Серёга Клячевский. Мальчик тёр глаза. Одно ухо у него распухло, став лиловым, на шее засохла полоса крови.

— Что? — удивился Иван. Мальчишки затормошили приятеля.

— Воды кроликам забыл налить свежей, — тихо сказал Сергей.

— Он тебе ухо надорвал, — удивился Юрка, качая головой. — Надо ему тоже устроить сени, мои сени.

— Убегу от них. Ничего не случилось, что позже налил. Пять раз наливаю. — Мальчик вдруг заплакал. Все удивились. — Мать не заступилась. Я пошёл наливать, а отец давай ухо отрывать, аж захрустело.

Клячевские торговали самогоном. Продавали очень мало, а больше дегустировали, напиваясь до зелёных человечков. Старший сын попал в колонию за две булки хлеба, которые попытался унести с прилавка. Дочь редко

бывала дома. Каталась автостопом. Третьеклассник Сергей учился вместе с Игорем. Фролов взял его в отряд по рекомендации и просьбе девочек. Они видели, как мальчишка просил поесть у шоферов, привезших на базар фрукты. Его заставляли плясать, давали вина и сигарету.

Серёга-Кляч жил за платформой в кирпичном домоскладе. Когда-то его мама была путевым обходчиком, потом стрелочницей. Автоматика пришла на дорогу, ставку сократили. Мама Серёжкина убирает в билетной кассе, подметает на платформе. Зимой отец сгребал снег и долбил наледи со ступеней, если был трезв. Когда отлеживался, то обязанности его ложились на мальчика.

У Клячевских между тупиком и линией росла картошка, огурцы и помидоры, паслись две козы с козлятами. Целебное молоко разбирали проезжающие поездные бригады. Оно излечивало много разных болезней, в том числе и туберкулёз лёгких.

Однажды Иван и его друзья узнали об особом таланте Клячи. Он складно рассказывал космические истории. Сначала ему не верили. Юрка искал в библиотеке книги, где сообщалось об инопланетном городе Ю, все жители которого живут радостно и безбедно, но любят работать под водой, раскапывая разные клады. Жюль Верна и Герберта Уэльса «проглотил» ещё в четвёртом классе. Они о городе Ю не упоминали. Станислав Лемм не писал ничего подобного, но братья Стругацкие могли бы такое написать, но не успели. Серёга сочинял коряво, перескакивая с одного на другое, но если попросить его уточнить детали, то мог их уточнять до самого утра. Эти приключения вносили в жизнь отряда свежее настроение, радость.

Большинство детей не читали летом ничего. Вот уже год Сергей в отряде чувствует себя полноправным членом, его уважают, о нём заботятся. Мальчик старается приносить посильную пользу, чтобы не отставать от других.

Иван ведёт журнал, в который заносит полученную прибыль, коэффициент трудового участия. У каждого есть своя страница, свой счёт. Ребята знают, кто сколько заработал. Знает и Сергей, даже гордится, тем, что его результат не последний. Никто не отлынивает, не отказывается от поручений. Родителям не до воспитания чад. Некогда вздохнуть, пытаюсь найти посильную и оплачиваемую работу. Они доверяют Ивану, знают, что парень серьёзный, отличает плохое от хорошего.

5.

Слухи о подпольной организации «Молодая гвардия» разлетались по городу, обрастая нелепыми подробностями. Пожилые люди находили у дверей свежую рыбу и ягоду. Газеты писали, что поджоги автомашин продолжатся до тех пор, пока не восстановят уволенных рабочих бетонного и ремонтного заводов. Оперативники начали «рыть» в полную силу. Добровольные помощники, сторожа, дворники ничего вразумительного не могли сказать.

Крутые наняли охранников, запирали автомобили в гаражи. Прошла неделя, На автостоянках у магазина «Весна», у базара днём белым вспыхнуло одновременно три автомашины. Ждали, что поджигатели потребуют выкуп, выставят свои условия. Условий не было. Тупикин ходил по авторынку, сидел в засаде на платных стоянках. На него давили сверху, угрожали снизу, предлагая деньги.

В газетах появились объявления. Обещали большие суммы за информацию о «Молодой гвардии».

Серёга Клячевский засыпался. Его схватили с зажигательной банкой, когда подсунул её под высоченный джип. Шофёр увидел его в зеркало заднего обзора. Тёмные тонированные стёкла подвели мальчишку. Он не увидел, сидящего водителя. Тот выхватил банку с магнитом от радиодинамика. Вызванный хозяин автомобиля, начал избивать подростка. Подъехала милиция. Банку бросили в урну, накрыли металлической плитой и стали ждать. Через два часа в урне раздался хлопок и вырвалось пламя.

Мальчика допрашивали при отце. Сергей не молчал. Говорил, что его попросили незнакомые парни подсунуть под машину банку и дали конфету «Баунти». Подтаявшая конфета была в кармане. Тупикин не поверил. Сергей плакал, размазывая по лицу кровь. Отец грозил ремнём. Не добившись ничего, чтобы указывало на подпольную организацию, следователь решил припугнуть мальчика и его папашу, от которого несло перегаром.

— Будете платить за ущерб. ...Нечем. Пусть сидит. Вырастет рассчитается. ...Тогда пусть обрисует парней, которые его послали зажечь машину.

Кляч стал рассказывать, как выглядели парни, но сбивался несколько раз. Фоторобот составили. Отправили на телевидение, во все газеты и рекламные офисы. Тупикин потребовал заплатить штраф. Клячевский старший вывернул дырявые карманы.

— Могу принести огурцов, — сказал с издёвкой. — Была у меня работа. Получал хорошо. А теперь без работы. Демократия.

Подростка и отца выпустили на следующее утро. Клячевский, заметив не аккуратную слезку, выматерился, дал сыну подзатыльник и пошёл в Зелёный Дунай. Мальчик стоял у столовой, незная, что делать. Сначала хотел пойти к Ивану, но раздумал, понимая, что этим он навлечёт беду. Следователь через осведомителей знал, с кем дружит подросток, с кем учится в одном классе. Предстояло выбрать момент, чтобы установить связь взрослых и мальцов. А ещё нужны факты, изобличающие преступников. Следить или сразу сделать обыски? Тупикин не особо верил в то, что дети поджигали иномарки. За всем этим стоят взрослые, которые потеряли работу. Списки он получит к обеду. Обыски начнут ночью.

Антон и Юрка видели, как Сергея затащили в проезжающую белую «Мазду». Записали номер. Они побежали к Ивану и рассказали о том, как засыпался Кляч, как его арестовали и выпустили. Иван смотрел на мальчиков злыми глазами.

— Этого не хватало. — сказал он, качая головой. — Я говорил, чтобы не носили галстуков, чтобы никуда не ввязывались. По тыкве настучать?

— Придумай, что-нибудь. Кляча изобьют до смерти, — умолял Юрка брата. — Они его станут пытать. Я — знаю. Потом кинут в известковую яму. Хана. Никто не найдёт, и искать не станет.

Иван приказал, чтобы всё было чисто. Галстуки прятать, улики уничтожить.

— Я сейчас. За мной не ходить.

В редакцию «Вечернего Новобобёрска» некий молодой человек, назвавшийся Леонидом Голиковым, сообщил, что на автомобиле увезён в неизвестном направлении мальчик — Сергей Клячевский, которого обвиняют в поджоге автомашин. Похитители намереваются продать его на органы в соседнее государство. Был назван номер, марка автомашины, время похищения. Если ребёнка не возвратят, случится страшное.

— Я — взорву город, — сказал, волнуясь, Иван Фролов.

— Весь город? — удивился редактор отдела новостей. — Это сколько надо вам взрывчатки? Где вы её возьмёте?

— В старом карьере. Там было озеро. Во время войны туда сбрасывали снаряды и бомбы, которые находили в танках, в самолётах. Озеро было далеко от города. Теперь оно почти в центре. Его не разминировали, а только осушили. Сообщите это в милицию, в городскую администрацию.

Вечером песчаный карьер окружили цепью солдат. Приехавшие специалисты-взрывотехники с металлоискателями и собаками час лазили по ямам, забредали в воду озера, речной заводи. Ничего не нашли.

Иван Фролов копал яму в доме, который никак не могли достроить. Озеро было там, под домами, а не в карьере. Лопата стукнулась о металл. Иван вытер лоб, разгребая песок. Вот он. Первый снаряд. Его нужно обложить мусором и поджечь. Сергея Клячевского не отпустили. Не нашли. Иван вдруг подумал, что если город

взорвётся, то погибнет много невинных детей и взрослых. Как быть? Что делать? Я обещал взорвать город...

Следователь нашёл белую «Мазду» и её хозяина. Юрагин сказал, что мальчика подвозил к гастроному. Куда он делся — неизвестно ему. Ночью выгорели две охраняемые автостоянки. Пожарные расчёты не смогли справиться с огнём. Обходя остовы сгоревших авто, Тупикин в душе одобрял поджигателей, но никто не должен этого знать. Иван Иванович просил главного редактора телеканала, чтобы портрет мальчика несколько раз показывали в новостях вместе с репортажем о пожарах.

Прошла неделя. Поиски преступников ничего не дали. Химические вещества, используемые в горючей смеси, оказались настолько старыми, что Тупикин и его коллеги разводили руками. Они использовались в войну. Современные компоненты «коктейля Молотова» были иными. Глава городской администрации негодовал. Наехавшие из центра следаки, пропесочили всех сокращённых, провели обыски. Безрезультатно. О потерянном мальчике как-то забыли, но искали тех, кто поджигал автомобили.

В конце августа особняк Юрагина поднялся на воздух. В соседних виллах вылетели стёкла. Огромная воронка напоминала взрыв авиабомбы большой мощности.

— Килограммов пятьсот, — дёргал плечами специалист по подрывам. — С самолёта упала? Что у вас тут творится?

Тогда вспомнили о странном звонке в редакцию газеты. Шепелявый голос обещал взорвать город, если не найдут мальчика по фамилии Клячевский. Тупикин пред-

полагал, что Юрагин повинен в краже ребёнка, но доказательств не было. Не было и самого преступника. Погиб при взрыве трёхэтажного коттеджа. Тупикин отследил круг друзей богатого предпринимателя. Они клялись, что не видели никакого мальчика, ничего не знают и не понимают, какая тут связь. Водитель через два дня признался, что Юрагин и его дружки держали мальчика на даче.

Тупикин с помощниками обнаружили в овощехранилище Минаева утюг со следами обгорелого вещества. Анализ показал, что кожа человеческая, принадлежит ребёнку. После умелых допросов, преступники дали показания. Мальчика спасли. Шрам на спине большой. Сергей им гордился. После того, как Минаева и его поделщиков осудили на четыре года, были взорваны днём ещё два особняка. Жертв не было. А ямы остались глубокие.

Семьи из соседних «замков» не стали стеклить окна, срочно переехали в многоквартирные дома. Паника была и суета. На стенах и заборах чья-то нахальная рука написала красной краской из аэрозольного баллончика: «МИНЫ». Собаки и металлоискатели не нашли взрывоопасные предметы. На другой день была выдана зарплата и восстановлены сокращённые рабочие.

Долго металась по городу слухи о том, что «Молодая гвардия» готовится к очередным взрывам в соседних городах. Коттеджи не строят в Новобобёрске. Проезжающие по трассе в Новосибирск могут увидеть остовы симпатичных домов посёлка, который ещё недавно был населён удачливыми предпринимателями. Коттеджи не покупают даже на разборку. На заборах написано — «заменено».

НА БЕРЕГУ

1.

Порывистый шаловливый ветер треплет гребешки волн, шлёпает ими в смолёвый низ небольшого дебаркадера. На белой табличке крупно написано: «Клюквенка», а буквы помельче не разобрать из-за тумана. Множество разных лодок, лежащих на пологом песчаном берегу, напоминают мне сказочных животных, выползших из воды. Туман. Густой туман. Он заглотив очертания больших орсовских складов, растворил лежнёвую дорогу, ведущую от Кети к посёлку, спрятал устье речки Чачанги и сплотил станок с десятком пучков, плавающих в запоне.

Из молочно-серой густой завесы доносятся звуки. Вот обрывок резкого слова, а это забулькал водомётным двигателем сплавной катерок, напоминающий -утюг. От дебаркадера приплыл кокетливый девичий смех, невнятные голоса вонзаются в туманную мякоть сырого воздуха. Звуки, как бы упакованы в ватные коконы, а потому кажутся неестественными и почти незнакомыми. Узнаю — смеётся Екатерина Глинская, высокая, премиленькая, стремительная; беседуют — Василий Мальцев и Колька Якушев. Иногда вставляет слово молчун Саня Гладких.

У остова, затянутого илом и разрушенного временем и людьми паузка, постреливает искорками костерок. Два старика сидят на обломках и разговаривают. Стара-

юсь понять, о чём беседа. Туман постепенно тает, но ветер приносит новые плотные пласты. Прячет в них очертания, размывает, скрадывая и уводя в нерезкость. Сухой, узкоплечий дедок склоняется над лепестками костра, бережно прикрывает окладистую пегую бороду широкой ладонью. Слезающиеся глаза выглядят молодо, щурятся от дыма. Он кладёт на угли толстые сучья, выпрямляется, поправляет зелёную шляпу, распахивает новый серый плащ, показывая добротный костюм, клетчатую рубаху, застёгнутую под горло. Рюмками звенят три старые медали «За отвагу». Второй старик одет в брезентовую залапанную сплавную робу-штормовку, под ней ватная телогрейка, на голове блин засаленной кепки. Подбородок крут, чисто выбрит, щеки с клюквенным румянцем, походят на шляпки больших грибов. Толстые в суставах пальцы резко ломают ветку, трогают ручку коричневого чемодана. Сижу боком на бруске лежнёвки, не шевелюсь, и старики не взглядывают в мою сторону, разговаривают нехотя, видно повторяя давно сказанное, отболевшее.

— ...Жить только наладился, а годы накатывают, — бородатый вздохнул, сдвинул на затылок шляпу, фетр который усеяли мельчайшие водяные матовые шарики.

— Ране-то нешто не жил? Не безворотный какой. Паровая мельница была? Была. Земли сколько запахивал десятин? У ты сынов сколько было. ...Вот. Пятеро. Ты их не отделял. Наделы вместе содержал. Я всё помню. Крупорушка была? Была. Чёска шерсть чесать была? Была. Почему помню? Потому что завидовал тебе, твоим полям, твоим паренькам. Царство им небесное. ...Всю жизнь тянулся за тобой, как телёнок за коровьей сиськой. Сров-

няться хотел и породниться. Девчата у меня трудовые были. Жаровые. Минутки не сидели без работы. Не худо жил, чего Бога гневить.

— Не худо, — согласился бородатый, кивнув головой. Водяная пыльца на шляпе блеснула.

— Не глянулись мои твоим. Других ты сватал.

— Твоих девок никто и не видал на вечерках. Ты их запрягал в работу, как жеребцов. Одевал как? Вот они и не ходили на тырло. Стеснялись. Коней холил, а детей — нет.

— Лошадки у меня были на ять. ...Искали их белые, зарились красные. Никому не достались. В таких местах прятал... — старик стукнул каблуками резиновых сапог.

— Ни себе, ни людям. На кого серчал?

— Моё, — старик сжал кулаки, его лицо побледнело. — Не трожь. Я за каждым, как малым ходил дитём.

— Хлебал с батраками и девками своими постную затируху, а масло прогоркало. Всё цену высокую ждал. Солонину по пять лет хранил, пока в мясе черви не заводились. Помню, как ты бичом драл работника, шившего шубу другому работнику, и карманы пристрочил. Испугался, что воровать будет, двумя карманами всё твоё добро унесёт?

Старик снял кепку, пригладил вокруг лысины жёлтые редкие волосы, поджал губу и тяжело вздохнул. Молчание тянулось долго.

2.

Неделю назад мы окончили школу, школу вечернюю.

В таёжный посёлок лесозаготовителей собрались из разных областей, сёл и городов. И вот теперь расстаёмся, чтобы поступать в институты, техникумы. Я и Василий решили окончить танковое училище и стать военными. Коля и Саша во сне видят себя хирургами. Екатерина и ещё несколько девушек попробуют стать студентками педагогического вуза. Даже наша классная руководительница Лидия Васильевна Зыкова — Лидочка — так мы её заглазно зовём. Окончив класс с педагогическим уклоном в средней школе Белого Яра, будет поступать в Университет. Её уроки литературы запомнились удивительной искренней простотой.

Летом мы тушили тайгу с Семёном Телегиным и Толиком Сморкаловым. Даже первого сентября пришлось гасить последний пожар.

Помню то время, когда в посёлке не закрывали двери на замки. Моё открытие Клюквинки случилось давно. После восьмого класса приехал на каникулы к маминной сестре — Варваре Тимофеевне и её мужу — Анатолию Алексеевичу Гусаковым. Ингузетский леспромхоз только-только вывез свои первые тысячи кубометров. Строились дома, школа. Мы с двоюродным братом Николаем Гусаковым ходили через взлётную полосу за кедровыми шишками. ...Здоровался брат с каждым встречным. Нас приветствовали взрослые и подростки. В клубе во время киносеанса возникла остановка, но никто из поселковых не свистел, не топал ногами. В городе свистели и вопили: «Сапожники!» Уже тогда понял, что здесь я буду жить и работать. С нетерпением ждал, когда немного подрасту, чтобы отправиться на пароходе в далёкий

Верхнекетский район. Мама отговаривала, а бабушка Пелагея Васильевна в шутку сказала: «Умных людей ссылали, а глупые — сами поехали». Немного обиделся. Очень хотел стать лесничим, как дядя Толя. Убеждала мама, говорила, что нужно сначала получить среднее образование. Но меня позвала тайга.

Старик в сплавщицкой куртке вздохнул и тихо проговорил:

— Это ты такой большекромый: цветочный чай пил вприкуску с батраками. Телушками и жеребьятами бросался...

— Не бросался. А давал на обзаведение старательным парням. Если человек работы не боится, я не жалел для него ничего. Многим помог.

— Они тебе помогли. Добра твоего не вспомнили, когда сюда отправляли. Разорили. Пашеничку выгребли, снохам косы расплетали активистки, искали спрятанные гроши. Увидали бы такое унижение твои пареньки, которые в партизанах у Мамонтова с беляками дрались у Солоньки.

— Как не вспомнили? Никитка и Мишка догнали нас, смогли мешок пшена в сани кинуть, а на станции пуд соли передали. Мы и тут не голодали. Рыбы и птицы — руки только протяни.

— Ноги протянули многие в первую зиму. Умирали дети. У берёзовой рощи, где конный двор лесничества, крестики попадали деревянные. ...Вместе ходили вчера. Везунчик. Ни медведь тогда не замял тебя, не утонул ты и в болоте у Гераськиного бора. Во сне видел, что ты жилу сорвал становую. Проснись и жалкую, что только во сне.

Когда тебя раскулачили, на седьмом небе был от счастья. Радый был, как растрясли твои закрома. Мельницу паровую...

— ...Я сам отдал, — улыбнулся бородатый.

— Один ты был такой со странностями. Знал, что зря тебя раскулачили. В то время не разбирались. План был по кулакам. Ты же не хотел идти в колхоз? А знаешь, что это моих рук дело?

— Да. — Не удивился старик.

— За двух гусаков упросил писаря внести тебя в список мироедов-кулаков.

— Знаю и это, Терентий.

Старик снял кепку и, недоумевая, посмотрел на собеседника в плаще и шляпе. Несколько минут они сидели молча. Не сговариваясь, начали ухаживать за костром, словно боялись, что угаснет в нём жизнь.

* * *

Мы ждали свой теплоход, который увезёт нас к новым берегам, но он стоял в тумане. Мы спешили увидеть другие страны, мы спешили жить, делать ошибки, исправлять их, поэтому не слушали чужих советов. У нас были трудовые книжки, паспорта. Мы убегали от верхового пожара, зарывались в болотный мох. Мы летали на вертолётах над таёжными реками и озёрами. Мы встречались с медведями нос к носу. Звери убегали от огня, а мы шли ему навстречу, засыпая песком, окапывая очаги пожарищ.

...Вчера до одури играли в карты в зальчике поселкового аэропорта, ожидая лётной погоды, но прогноз был неутешительным. Устали от безделья. Четвёртый день

шёл с перерывами нудный дождь. Возникла идея добраться до райцентра на теплоходе. Нам с Василием дальше и не нужно. Мы должны оформлять документы в военкомате. Районный военный комиссар ещё зимой соблазнил нас возможностью получить высшее образование лишь за четыре года, стать офицерами, а после службы можно очень рано выйти на пенсию и работать на гражданке механиками. О пенсии не думали, а вот хотели получить высшее образование и стать военными. О службе думали, а тут возникла возможность — учиться и служить. Одновременно! Было бы глупо не воспользоваться таким предложением.

Сашка и Колька сказали, что категорически отказываются от службы, ходить строем не будут никогда, ведь станут военными медиками. Учились они отлично. Потому что нигде не работали постоянно. У нас в классе немного было девушек и парней, имевших нормальную постоянную работу. Коля Комаров был сплавщиком, мой друг Иван Скадин отслужил в армии и крутил баранку лесовоза. Его жена — Валентина Петровна преподавала нам историю и обществоведение. Да, ещё Галя Вербицкая трудилась в конторе леспромхоза счетоводом-нормировщиком.

3.

После окончания пожароопасного сезона наш десант какое-то время помогал лесникам нарезать визиры для отвода лесных массивов под рубку. Начались морозы. Я оказался в гараже, так как смог внятно ответить на вопросы главного инженера.

Наша городская школа была одной из пятисот, перешедших на одиннадцатилетнее образование. Мы профессионально ориентировались, проходили производственную практику на машиностроительном заводе. Класс разделился на группы — токарей, слесарей и электрослесарей. А мы с Сергеем Ерохиным хотели стать модельщиками, изготавливать из дерева сложные модели для отливки деталей. Но такую группу не смогли набрать. Нас оказалось только двое. Сергей ушёл в школу рабочей молодёжи и стал учеником токаря.

Мы работали на машзаводе один раз в неделю по укороченному дню, но денег нам не платили.

Я сначала поучился токарному делу. Через четыре занятия надоело стоять на одном месте, вытачивать болтики и гаечки. Перешёл в группу слесарей. Мои одноклассники стояли у тисов и обрабатывали напильниками заготовки. В группе электрослесарей понравилось. С настоящими электриками ходили по заводским цехам, проводили плановые ревизии электродвигателям. Проверяли износ, меняли смазку, чистили коллекторы. А ещё мы лудили контакты для контроллеров, протирали спиртом лампы установок ТВЧ. Главный энергетик завода Николай Николаевич Кузнецов читал лекции. Мы учились легко и с желанием. Нам выдали комбинезоны и пропуска. В десятом классе сдали экзамены на первый разряд, получили «допуск», разрешающий работу на электроустановках до 1000 вольт. Мы гордились выпачканными солидом руками, но электрики подсмеивались над нами, говоря, что наша техничка имеет третий разряд. Но техничка мыла пол в нашей дежурной комнате, а мы работали.

...Это удостоверение позволило мне поработать слесарем по ремонту автомобилей и тракторов. Главный инженер предлагал занять место автоэлектрика, но, полистав документы, понял, что мне только семнадцать полных лет, изменил план.

После выпускных экзаменов он предложат поступить в Ленинградскую Лесную Академию, в Красноярский лесотехнологический институт. Руководство леспромпхоза дало возможность узнать на практике «почём куб леса», а потом вырастить из меня специалиста. Если бы завкадрами Рая Монархова, уговаривавшая поступать учиться, объяснила, что работники лесной промышленности поступают вне конкурса, то жизнь моя пошла по другой дороге. Но я испугался, полагая, что конкурс будет и среди тех, кто приедет поступать из леспромпхозов, а я не смогу отлично сдать вступительные экзамены, учился кое-как. Возможно, что-то другое удержало от этого шага.

4.

Берег нашей юности и берег старых людей, которым уже и выбирать нечего, был всё ещё в тумане. Мы ждём теплоход, мы молоды и полны сил. Два пожилых человека сидят у костра своей жизни. Поднявшийся ветерок принялся разносить и перемешивать туманные слои над Кетью, над пристанью. Стало понятно, что скоро сверху придёт за нами теплоход под номером «ПТ-301».

— Привезли нас на этой лодочке под зиму, — стукнул кулаком по остову паузка старик в плаще и шляпе. По реке уже сало шло — шуга. Вылезли мы на яр, а снег слепит — матушка моя. Стали копать землянки. Это потом начали строить посёлок на берегу Чачанги, где было не-

сколько семей. И хвою заваривали, пили отвар и кору в муку мешали.

— Нас высадили на другую осень. Только ниже по течению. Всех своих похоронил. Назло тебе, думал, выживу. Не помру. Тиф начался.

— Чем ты провинился перед новой властью? Вроде со всеми ручкался. Председателя сельсовета самосидкой поил. Казёнкой потчевал. Всё высматривал и докладывал. Как же тебя не пощадили? Верным псом служил. Девчатам пошил красные косынки.

Старик провёл по лицу ладонью, словно хотел стереть прошлые события, запахнул куртку-штормовку.

— На Пасху ходили по дворам единоличников, которые из кожи лезли, чтобы заплатить налоги и не вступать в колхоз. Как ты, Василий. А вас так жали, что камень бы заплакал.

— Так и ты в сторонке не стоял...

— Все видели, как лодыри и крикуны забрались в колхозы, заняли должности бригадиров и заведующих складами, как из них, из складов тянут по себе имущество раскулаченных. На каждой улице было по колхозу организовано. Маленько и выпил тогда, а сказал (у пожарного сарая несколько человек было) что-то вроде того мол, когда клопы насосутся крови. Ходили активисты по дворам, стучали ручками наганов в ворота, требовали водки, отнимали куличи и крашеные яйца. Через месяц украли с локомотива пас — приводной ремень. Ребятишки перед моими воротами играли куском ремня. Писарь заходил за самогонкой, увидел его, арестовали меня, обыск делали. Показали, что это я украл пас, — старик замолчал, воро-

ша угли костра. — Умчались мои рысаки, осталась вот эта лодка да крестики у берёзовой рощи. Ты приехал на Алтай с отцом на вольные земли, заняли хорошие наделы, а нам с тятёй достались солонец и песок. Весь век мантулил, чтобы вырваться из нужды, чтобы хозяином стать, чтобы на виду быть.

— И стал. Первым богачом был. Сундуки набивал. Говорили, что тебя мобилизовал Колчак. А я не верил. Сам ты пошёл, добровольно, чтобы не пограбили твоё гнездо, не разорили сусеки. Стали красные жать на ваших, так ты переметнулся. Понял — не устоять Колчаку. А ведь возами возил ночью. Куда прятал? В какие подземелья? — старик снял шляпу, принялся махать её над углями.

— А что ты вывоевал? Четырёх парней твоих белые порешили. Трое имели семьи. На твоих руках остались внуки и снохи. Осенью белые взяли тебя проводником, чтоб ты коротким путём провёл в обход озера, а на перешейке отряд был Жарикова — твоего кума. Белые к Волчихе рвались, где были госпиталя и мастерские у красных.

— А ты с Рубцовки патроны в обозе возил?

— Заставили. Куда деваться. Завёл ты полк в болото. Вот тебя и поставили к амбару. Как ты из могилы вылез? Как? Василий Васильевич?

— Назло всем смертям и тебе.

— Это мне нужно на тебя зуб иметь. Евдокию увёз у меня.

— Она сама ушла, — равнодушно проговорил бородатый.

— Ты мне скажи, зачем ты ездил в Колпашево? Зачем на войну просился? Пенсию большую тебе дали? Палец один на руке остался. Остальные собес — не даёт. На комиссии кажин год заставляют ездить. Не доверяют своим глазам. Вдруг у тебя пальцы-то отрастут. Боятся. — Старик в штормовке рассмеялся ехидным смешком.

— Ты ждал, когда Гитлер нас повоюет. Надеялся, что стопчут танками Россию. Я не дал им топтать.

— Что тебе эта власть? Что ты за неё вцепился? Всё вернётся на старое. Погоди чуток. Эта власть сама себя съест. Помяни моё слово. Я вижу, как новые бояре шикарно живут.

— Не власть меня сослала сюда, а такие, как ты людишки-блудишки. После гражданской войны я с сыном и старшим внуком хорошо развернулся.

— Вас и драли налогами, как сидоровых коз.

— А сколько я хлеба сдавал. За десятерых. Я страну кормил, а ты в серединку ладил забраться, как таракан в щелку. Мои внуки чужой хлеб не ели. Не придуривались, чтобы им семена вырешили из общественного фонда. Никому никогда плохого не делал? так? ...Правильно. Со мной в борозде не поспишь. Бедные — тоже разные. Ты же отлично работать, но не хотел. Саботировал. Это сейчас даром деньги платят. На одном месте развалит работу руководитель, его на другое — переставляют. Там он пропьёт с дружками прибыль, его в другой район пошлют.

— И тебе не нравится эта власть. Тебя бы поставили. Да? Бодливой корове Бог рог не даёт.

— Твой отец тебе говорил, что пахать и жить надо прямо. Вильнёшь только раз, а на всё твоё поле кривулина будет. Так-то, Терентий Фёдорович, Смотри, туман разнесло.

— Я твой адрес оставил соседке, чтоб телеграмму дала, если что. Скоро призовут архангелы. Тут вот стерлядка, тут сорожки копчёные. Варенье брусничное. Обедать будешь, так картоха и грузди сгодятся. Любил ты их по молодости. Помню.

Старики загасил свой огонёк, поглядели друг на друга, виновато склонили подрагивающие головы. Увидев плывущее мимо большое дерево, неестественно замерли. Листья плывущей берёзы были зелёными и едва шевелились под ветром.

— На Пасху приезжай...

— Бог даст... — часто заморгал бородатый. — Знаешь, чего я войну боялся? Не смерти. Боялся, тебя не застану на этом берегу. С детства друзьями были.

— Зажились мы с тобой. Прости меня, — старик опустил голову, начал вытирать пальцами глаза.

— Прости и ты меня, Терёша.

* * *

Наш теплоход увёз нас в другой мир. Покинули свой берег, отправившись к другим берегам. В военкомате нам с Василием дадут заполнять разные бланки, но мы решим сначала проверить своё здоровье.

... Танкистом не стану. Медицинская комиссия сочтёт малопригодным, чтобы учиться на военного. Ехать в Тюмень в одиночку Вася не захочет. Через год мы обме-

няемся фотографиями. На нас будет солдатская форма, а в петлицах — одинаковые войсковые эмблемы.